

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

13.2

3 выпуска в год на многих языках

Говорящая социология
с Сидни Тэрроу

Анжела Алонсо
Брено Брингель

Либерализм, другой
и религия

Сесиль Лаборд
Азми Бишара
Фредерик Ванденберге
Анна Халаффоф

Возрождение
социальной теории

Микаэль Карлееден
Артур Буэно
Ричард Сведберг
Анна Энгстам
Нора Хамалайнен
Туро-Киммо Летонен
Суджата Патель

Теоретические
подходы

Луна Рибейро Кампос
Вероника Тосте Дафлон

Открытый раздел

- > Открытый доступ, хищничество и подписные журналы
- > Здоровьесберегающее поведение в Бихаре
- > Кризис ментального здоровья в Испании: при чем здесь социология?
- > Признание подсознательного насилия
- > Взгляд Ибн Халдуна на вторжение в Украину

ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association
isa

ТОМ 13 / ВЫПУСК 2 / АВГУСТ 2023
<https://globaldialogue.isa-sociology.org/>

> От редакции

Надеюсь, вам понравится этот второй выпуск *Глобального диалога*, подготовленный новой редакторской командой, в которую вхожу я, Каролина Вестена и Витория Гонзалес. В первые месяцы на посту редактора я инициировал широкую дискуссию о будущем журнала и изменениях, необходимых для его укрепления и развития. Нововведения начнутся с первого выпуска 2024 году; я прошу вас поделиться вашими идеями и предложениями.

Этот номер открывает интервью с ведущим политическим социологом Сиднеем Тэрроу, которое провели мы с Ангелой Алонсо. Мы обсуждаем многие аспекты и проблемы отношений между общественными движениями и политическими партиями. Так, например, мы рассуждаем о том, как осмысливать их, руководствуясь принципом относительности, каков эвристический потенциал понятия партии-движения, как последние события соотносятся с новыми научными исследовательскими повестками и каковы основные вызовы развития современной глобальной исследовательской проблематики.

Первый раздел, озаглавленный «Либерализм, другой и религия» включает тексты, подготовленные для одной из президентских сессий XX Всемирного конгресса МСА в Мельбурне. Сесиль Лаборд (Cécile Laborde) начинает дискуссию обсуждением отношений между государством и религией, и конкретно между секуляризмом и либеральной легитимностью. Далее известный арабский интеллектуал Азми Бишара анализирует различные научные толкования либерализма и их политическое применение. Обращаясь к собственно социологической проблематике, Фредерик Ванденберге (Frédéric Vandenberghe) предлагает рассматривать социологию в непосредственной связи с моральной философией, что предполагает выявление политической и моральной пресуппозиции дисциплины, включая характерный для нее репертуар «либерального коммунитаризма». И, наконец, Анна Халафогос обсуждает некоторые тренды роста консерватизма и религиозного национализма в контексте конфронтации космополитизма и анти-космополитизма.

Вторая рубрика - «Возрождение социальной теории» - включает статьи, подобранные Артуром Буэно и Микаэлем Карлхеденом. Ричард Сведберг и Анна Энгстем призывают к креативности, Микаэль Карлхеден выступает в защиту теоретического плюрализма. В статьях Норы Хэмэлайнен, Туро-Киммо Лехтонена и Артура Буэно обсуждаются отношения между теорией и эмпиризмом/практикой. В первой из этой подборки статей обсуждается кризис «большой теории», продвигаются идеи теоретизирования жизненных практик и роль полевой работы для философии. Вторая статья посвящена парадоксам концептуализации понятия *практика*. Этот симпозиум завершается статьей Суджаты Патель, которая анализирует антиколониальный поворот в социальной теории и его вклад в развитие глобальной социологии.

В разделе «Теоретические подходы» мы поднимаем тему участия женщин в развитии классической теории. Каков их вклад? Каковы основные проблемы теоретизирования за пределами канона? Отвечая на эти вопросы, Луна Рибейро Кампос и Вероника Тосте Дафлон восстанавливают забытые имена и начинают глобальный диалог о содержательной стороне теоретического наследия женщин, авторов социальных трактатов.

И, наконец, «Открытый раздел» включает статьи, посвященные таким современным проблемам социологического знания, как: дискуссия между сторонниками открытого доступа, журналами-хищниками и подписными периодическими изданиями (Суджата Патель); значение образования в отношении здоровья в контексте кризиса здоровья и в постпандемийный период (Адита Радж и Папия Радж); роль социологии в управлении кризисом душевного здоровья (Сигита Доблите); неспособность дискурса прав человека справиться со сложностями гендерного насилия и значимость признания скрытого повседневного насилия (Приядаршини Бхаттачария) и, наконец, альтернативное критическое прочтение российского вторжения в Украину, преодолевающее реалистическую и либеральную парадигмы теории международных отношений (Ахмед М. Абозайд). ■

Брено Брингель, редактор *Глобального диалога*

> **Глобальный диалог на многих языках доступен на [вебсайте](#).**

> **Присылайте статьи для публикации на: globaldialogue.isa@gmail.com.**

isa International
Sociological
Association

**GLOBAL
DIALOGUE**

> Редакторский совет

Редактор: Брено Брингель.

Помощники редактора: Витория Гонсалес, Каролина Вестена.

Ассоциированный редактор: Кристофер Эванс.

Управляющие редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Консультанты: Майкл Буравой, Бригитт Ауленбахер, Клаус Дёрре.

Медиа консультант: Хуан Лехаррага.

Консультирующие редакторы:

Сари Ханафи, Джеффри Плейерс, Филомин Гутьеррес, Элоиса Мартин, Савако Сирахасе, Изабела Барлинска, Това Бенски, Чи-Жу Джей Чен, Ян Фритц, Коичи Хасегава, Хироши Ишида, Грейс Хуноу, Эллисон Локонто, Сьюзан МакДэниел, Элина Ойнас, Лаура Осо Касас, Бандана Пуркайястха, Рода Реддок, Мунир Сайдани, Айсе Сактанбер, Сели Скалон, Назанин Шахрокни.

Региональные редакторы

Арабский мир: (Тунис) Мунир Саидани, Фатима Радвани, (Ливан) Сари Ханафи.

Аргентина: Магдалена Лемус, Хуан Парсио, Данте Марчиссио..

Бангладеш: Хабибуль Хондкер, Хайруль Чоудхури, Биджой Кришна Баник, Абдур Рашид, Саркер Сохель Рана, Мд. Шахидуль Ислам, Хелаль Уддин, Ясмин Султана, Салех Аль Мамун, Экрамун Кабир Рана, Фархин Актер Бхуян, Хадиза Хатун, Айша Сиддик Хумайра, Арифур Рахаман, Истиак Нур Мухит, Мд. Шахин Актар, Сурайя Ахтер, Аламгир Кабир, Таслима Насрин.

Бразилия: Фабрисо Масиель, Андреса Гали, Рикардо Виссер, Хосе Гирадо Нето, Жессика Маззини Мендес.

Индия: Рашми Джайн, Ракеш Рана, Маниш Ядав.

Иран: Рейханех Джавади, Ниаеш Долати, Сайед Мухамад Муталеби, Эльхам Шуштаризаде.

Казахстан: Айгуль Забировова, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Алмаш Тлеспаева, Куаныш Тел, Алмагуль Мусина, Акнур Иманкул, Мадияр Алдияров.

Польша: Александра Бьернацка, Джоанна Беднарек, Анна Тернер, Марта Блашинска, Уршула Ярецка.

Румыния: Ралука Попеску, Раиса-Габриэла Замфиреску, Бьянка Михэилэ, Диана Мога, Луиза Нистор, Руксандра Пэдурару, Мария Влэшану.

Россия: Елена Здравомыслова, Дарья Холодова.

Тайвань: Ван-Джу Ли, Тао-Юнг Лу, Ю-Вен Ляо, По-Шунг Хонг, Йи-Шуо Хуанг, Чиен-Йинг Чиен, Жи Хао Керк, Марк Йи-Вей Лай, Юн-Джоу Лин, Юн-Хсуан Чоу.

Турция: Гюль Чорбаджиоглу, Ирмак Эврен.

Франция/Испания: Лола Бусуттил.

Известный ученый **Сидни Тэрроу** в интервью Анжеле Алонсо и Брено Брингелю рассказывает об отношении между общественными движениями и политическими партиями и о том, как их понимать реляционно.

В этой секции о «**Либерализме, другом и религии**» представлены тексты четырех выдающихся ученых, приглашенных на президентские сессии XX Всемирного социологического конгресса МСА.

Здесь анализируется **институционализация и маскулинизация социологии**, и придается особое значение проблемам картирования систематически игнорируемых вкладов женщин в развитие классической социологии.

Иллюстрация на обложке: Крыша Федерального сената Бразилии.
Рис.: Кармен Гонсалес, 2023.

Глобальный диалог выходит благодаря щедрому гранту SAGE Publications.

> В этом выпуске

От редакции **2**

> СОЦИОЛОГИЯ ГОВОРИТ

Переосмысливая отношения между движениями и партиями: интервью с Сидни Тэрроу

Анжела Алонсо и Брено Брингель, Бразилия/Испания **5**

> ЛИБЕРАЛИЗМ, ДРУГОЙ И РЕЛИГИЯ

В защиту минимального секуляризма

Сесиль Лаборд, ВБ **9**

О всеобъемлющем либерализме, политическом либерализме и идеологии

Азми Бишара, Катар **11**

Социология как продолжение моральной философии другими способами

Фредерик Ванденберге, Бразилия **14**

Религиозный национализм и террор против космополитизма

Анна Халафоглу, Австралия **16**

> ВОЗРОЖДЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Современное состояние социальной теории

Микаэль Карлеенден, Дания и Артур Буэно, Германия **18**

Приглашение к творческому теоретизированию

Ричард Сведберг, США **20**

Методы теоретизирования: призыв к плюрализму

Микаэль Карлеенден, Дания **22**

Давайте практиковать свободолобивую социологию!

Анна Энгстам, Швеция **24**

После большой теории: полевая работа в философии?

Нора Хамалайнен и Туро-Киммо Летонен, Финляндия **26**

Теория и (конец) практики

Артур Буэно, Германия **28**

Чем занимается антиколониальная социальная теория?

Суджата Пател, Индия **30**

> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Женщины, создающие социальную теорию за пределами канона

Луна Рибейро Кампос и Вероника Тосте Дафлон, Бразилия **32**

> ОТКРЫТЫЙ РАЗДЕЛ

Открытый доступ, журналы-хищники или подписные периодические издания

Суджата Пател, Индия **34**

Необходимость развития здоровьесберегающего поведения: Бихар, Индия

Адитя Радж и Папия Радж, Индия **36**

Кризис ментального здоровья в Испании: при чем тут социология?

Сигита Доблите, Испания **38**

Включение подсознательного насилия в правозащитный дискурс

Приядаршини Бхаттачария, Индия **40**

Российское вторжение в Украину с точки зрения Ибн Халдуна

Ахмед М. Абозайд, ВБ **43**

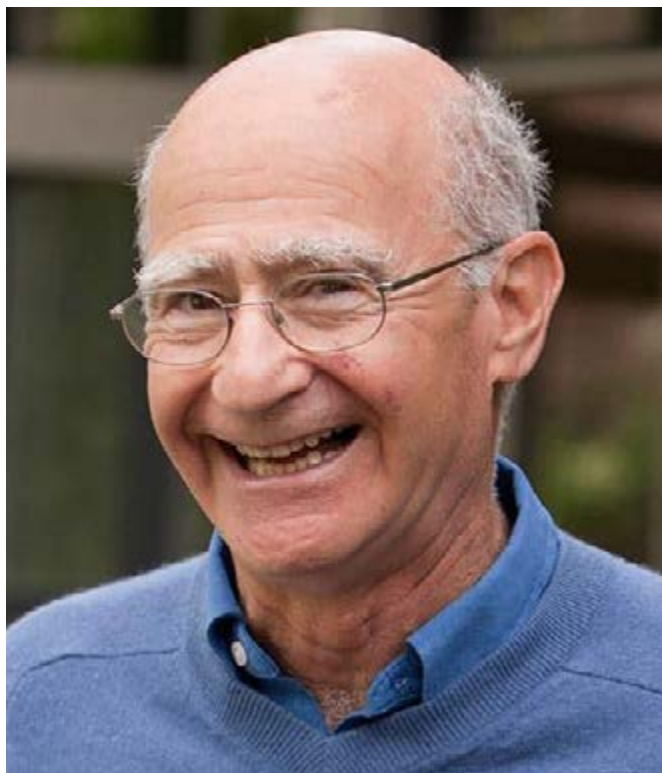
“ Политические циклы с высоким уровнем общественной вовлеченности с большой вероятностью порождают как антидемократические, так и демократические движения ”

Сидни Тэрроу

> Переосмысливая отношения

между движениями и партиями

Интервью с Сидни Тэрроу

Сидни Тэрроу – почетный профессор им. Максвелла М. Апсона на факультете государственного управления Корнельского университета. В фокусе его многолетних исследований – общественные движения, политика протеста и мобилизация права. Его работы по политической социологии и сравнительной политологии известны во всем мире. Его выдающаяся карьера началась в 1960-е. С того времени он продолжает активно участвовать в дебатах об общественных движениях. Его самая известная книга, *Power in Movement* [Власть в движении], была переиздана в обновленной версии в прошлом году и включает новые главы и новое заключение, в которых освещаются современные события и недавние исследования. Тэрроу недавно опублико-

вал книгу *Movements and Parties: Critical Connections in American Political Development* (Cambridge University Press, 2021) [Движения и партии: критические связи в американской политике], где он ищет ответы на следующие вопросы: как общественные движения пересекаются с повестками политических партий? Как интеграция в партийную структуру влияет на движения? Оказываются ли они поглощенными партиями или привносят в их программы и действия радикальные трансформации? Несмотря на то, что в фокусе книги остается американская политика, она вносит вклад в более широкие дискуссии. Эта книга стала основой для нашего интервью.

Интервьюируют проф. Тэрроу **Анжела Алонсо** и **Брено Брингель**, ведущие исследователи общественных движений в Бразилии с международной карьерной траекторией. Анжела Алонсо – профессор социологии в Университете Сан-Паулу. Ее исследования и публикации фокусируются на отношениях между культурой и политическим действием, а также на социальных и интеллектуальных движениях. Анжела – автор книги *The Last Abolition: The Brazilian Antislavery Movement, 1868-1888* [Последнее упразднение: бразильское движение против рабства, 1868 – 1888] (Cambridge University Press, 2021). Брено Брингель – профессор политической социологии в Институте социальных и политических исследований Государственного университета Рио-де-Жанейро и старший научный сотрудник Университета Комплутенсе в Мадриде, Испания. Его недавние исследования посвящены общественным движениям, экосоциальным переходам и латиноамериканской мысли. Скоро выйдет из печати его следующая книга, написанная в соавторстве с Мириам Лэнг и Мэри Энн Манахан, – *Beyond Green Colonialism: Global Justice and the Geopolitics of Ecosocial Transitions* [За пределами зеленого колониализма: глобальная справедливость и геополитика экосоциальных переходов] (Pluto Press, в печати).

Анжела Алонсо и Брено Брингель (АА и ББ): Резюмируйте, пожалуйста, преимущества и трудности анализа отношений между движениями и партиями.

Сидни Тэрроу (СТ): Чтобы серьезно ответить на этот вопрос, я должен вернуться к своему PhD исследованию в

Южной Италии, которое я провел в далекие 1960-е годы. В то время, такие прогрессивные молодые люди, как я, считали движения, действующие вне политической системы, благом, а партии как часть этой системы – плохими. Но когда я увидел, что во время подъема крестьянского движения в этом регионе после Второй мировой

>>

войны оно активно взаимодействовало с Коммунистической партией, я осознал, что такое разделение является неправильным. Коммунистическая партия на итальянском юге по ряду характеристик была схожа с общественным движением; в северной Италии ситуация была иной – там партию поддерживало хорошо структурированное рабочее движение. Дилемма Коммунистической партии на Юге заключалась в том, что она пыталась воплотить стратегию, разработанную для развитой индустриальной страны. Моя первая книга, посвященная крестьянскому коммунизму в Южной Италии (1967 г.), была попыткой понять противоречия между партийными структурами на севере и юге, и объяснить неудачи коммунистов в Южной Италии.

Двумя десятилетиями позже, вдохновленный работами Чарльза Тилли и Дага МакАдама, я вернулся к Италии с попыткой понять протестный цикл 1960-х и 1970-х гг. Результатом стала монография *Democracy and Disorder* [Демократия и беспорядок] (1989), где я применил новую тогда методологию анализа протестного события. В отличие от таких социологов как Альберони, которые все еще не считали движения частью политической системы, я обнаружил глубокие связи между тем, что происходит на улицах, и тем, что происходит внутри партийной системы. Эти два исследования позволили мне участвовать в создании того, что потом стало подходом к изучению общественных движений на основе теории «политического процесса».

Еще двадцать лет спустя, ужаснувшись победе Дональда Трампа на выборах президента, я отвлекся от Европы, чтобы изучать сопротивление против Трампа; в результате появилась монография *The Resistance* [Сопротивление] (2018, под ред. Дэвида С. Майера), а потом и книгу, которую мы сейчас обсуждаем, - *Movements and Parties* [Движения и партии]. В этой работе я доказываю, что отношения между движениями и партиями являются центральным феноменом американской демократии: иногда эти отношения способствуют демократизации, а иногда, как сейчас, угрожают ей.

Обобщая этот опыт, я понял, что изучение отношений между движениями и партиями позволило мне изучать процессы, происходящие за пределами институционального мира политических партий и помогло понять, почему партии часто действуют вопреки своим избирательным интересам: они делают это, стремясь привлечь более широкую идеологическую базу движения. Возвращаясь к вашему вопросу, я хотел бы сказать, что сложность здесь была в том, что я пытался вступить в диалог одновременно с двумя традициями, выстроенными на основе различных методологий, которые по-разному видят политическую систему. Это вызывало больше «проблем» в Штатах, чем в Латинской Америке, что отчасти объясняет позитивную реакцию на мои работы на вашем континенте.

АА и ББ: В последние годы, одним из способов концептуализировать отношения между партиями и движениями стало понятие партии-движения. Как вы относитесь к этому понятию?

СТ: В Европе это понятие применительно к Зеленым партиям в Западной Европе было узко определено Китчелтом в 2006 г. Потом, в 2017 г., дела Порты и ее коллеги в работе *Movement Parties Against Austerity* [Партии-движения против жесткой экономии] дали более широкое определение этого понятия. Наиболее близка к моему пониманию партий-движений книга Сантьяго Анриа о боливийском социалистическом движении - MAS (с исп., *Movimiento al Socialismo* – Движение к социализму).

Само понятие – пусть и не буквально в тех же словах – более привычно используется в Латинской Америке, чем в США. Но, как показано в моей книге, партии-движения периодически появляются и в американской истории – в своей книге, посвященной истории борьбы с рабством, Анжела показывает это на примере связи между аболиционистами и Республиканской партией в 1950-е гг.

Чтобы определить термин аналитически, важно рассмотреть каждую его часть отдельно. Партии, как я доказываю в моей книге, – прежде всего транзакционные в том смысле, что они стремятся захватить и удержать власть. Движения же более идеологичны. Это означает что у партии-движения есть как идеологические, так и транзакционные рефлекссы. Этот конфликт чаще всего разрешается тем, что партии-движения институционализируются чтобы выжить. В ином случае, они распадаются – как, например, американская Народная партия в 1890-х гг., когда одна фракция поддержала кандидата демократов Уильяма Дженнингса Брайана, а другая настаивала на стратегии аграрного движения.

Такие исключения, как MAS в Боливии, встречаются редко и зависят от форм организации, которые могут принять как черты движения, так и характеристики партии. В США, в 1930-е гг., Демократическая партия сохраняла этот двойственный характер. В то время рабочая фракция главенствовала на Севере, а сегрегационистская на Юге страны. Однако постепенно это привело к расколу, когда более прогрессивная часть присоединилась к движению за гражданские права в 1960-е гг., а фракция, поддерживающая сегрегацию, присоединилась к Республиканской партии, где она и сейчас остается.

АА и ББ: Ваша книга также подчеркивает важность динамики взаимодействия между движениями и контрдвижениями. Такой подход помогает осмыслить драматические события, связанные с феноменом Трампа и движениями, которые ему противостоят или поддерживают его. Вы посвятили значительную часть книги современным политическим конфликтам в США. Как Вы видите отношения между текущими политическими событиями и академической повесткой?

>>

СТ: Многие работы, посвященные контрдвижениям, концентрируются на событиях, происходящих на правом политическом фланге, но мне такая операционализация кажется ограничивающей. Так в США, исследования Чайной Партии и современного движения *MAGA* (от англ., *Make America Great Again* – Сделаем Америку снова великой) утверждают, что социальной базой этих движений являются люди, пострадавшие от изменений в сфере социальной и расовой политики. Второе описательное измерение, которое часто добавляют, – это различие между высоким и низким уровнями политизации. Итальянские исследователи, например, Альфо Мастропаоло, подчеркивают анти-политический настрой многих ультраправых избирателей, а сторонники Дональда Трампа часто утверждают, что больше всего им в нем нравится то, что он «не политик».

В своей книге я использую термин *контрдвижение* так же, как Дэвид С. Мейер и Сюзанн Стаггенборг в статье 1996 г., чтобы описать, как подъем и очевидный успех одного движения (неважно, правого или левого) провоцирует подъем противостоящего движения. Например, в нашей совместной работе, *The Resistance* [Соппротивление], мы с Дэвидом Мейером охарактеризовали подъем сопротивления Трампу как контрдвижение.

Самое главное для контрдвижений (правых и левых) – это то, что они в значительной степени оказываются захвачены дискурсом и масштабом действия движения, которому они противостоят. Например, антинаучный дискурс движения против вакцинации в Соединенных Штатах влияет на движение в поддержку вакцинации, которое прибегает к свидетельствам врачей, ученых и публичных экспертов, чтобы опровергнуть антинаучную идеологию своих оппонентов.

Однако многие из этих движений выросли в тени существующих и более широких идеологических движений. Например, когда социальные ученые проследили за уровнем госпитализации и смертности от Ковида, они обнаружили, что эти показатели сильно коррелируют с уровнем electoralной поддержки трампизма. Штаты, отдавшие большинство своих голосов Трампу, также показали наибольший уровень госпитализаций и смертей от Ковида. Эти текущие события влияют на академическую повестку и нам необходимо на них реагировать.

АА и ББ: Многие социальные ученые рассматривали демократические и авторитарные институты как ответствующие разным типам обществ. Позже, волна исследований указала на особые «политические культуры», характерные для выбора авторитарного или демократического политического трека. Ваша книга ищет политические механизмы, которые объясняют взаимодействия между движениями и партиями в очень разных странах, таких как Чили, Италия, Южная Корея и Соединенные Штаты, без отсылок к ценностям или убеждениям. Получается, Ваша книга ставит под сомнение концепцию политической культуры?

СТ: Этот вопрос относит меня к началу моей карьеры, когда Габриэль Алмонд и его коллеги разработали концепцию «политической культуры». Они видели США как «гражданскую культуру», где, по определению, согласие по поводу правил демократической игры перевешивает разногласия по вопросам управления. Они определили Италию как «субъектную политическую культуру», где такое согласие отсутствует. Их итальянский коллега Джованни Сартори пошел еще дальше и определили свою страну как «центробежную демократию», в противовес «центростремительным» Британии и США. Самой большой угрозой демократии, по их мнению, была Коммунистическая партия, которую я исследовал в Южной Италии. Я проверил эти идеи, сравнив отношение к демократии «центробежных» коммунистов и центристских избирателей Христианско-Демократической партии, и понял, что у первых было гораздо больше доверия к демократии, чем у вторых. С тех пор, я стал с сомнением относиться к определениям демократии, которые основываются на политической культуре, и стал искать механизмы, которые поддерживают или подрывают демократию.

В работе «Движения и партии», кроме прочего, я анализирую политические процессы в Чили после ухода Пиночета, которую североамериканские авторы считали «сильной» демократией, основанной на крепкой партийной системе и «демократической» системе убеждений. Однако Чили, как вы знаете, была политической системой с очень слабой вертикальной подотчетностью. Подотчетность является ключевым фактором демократии и, как мы теперь знаем, эта система была гораздо слабее, чем казалось сторонникам концепции политической культуры. Так что, как в начале, так и в конце моей академической карьеры, я с сомнением отношусь к этой концепции.

АА и ББ: Как показывает Ч. Тилли, движения и контрдвижения непосредственно связаны с процессами демократизации и де-демократизации. Долгое время мы рассматривали эти процессы как волны, относящиеся к разным темпоральностям. Но как быть с противоречивостью, комплексностью в протестной политике? Как осмыслить ситуации, когда в один и тот же исторический период демократизация в одних аспектах сочетается с де-демократизацией в других?

СТ: Тилли был одним из немногих североамериканских исследователей демократии, который также исследовал общественные движения. Мне кажется очень неверным, что в исследованиях текущего кризиса демократии в США совсем нет ссылок на его работу *Democracy* [Демократия] (2007). Эта книга вдохновила меня на попытку связать исследование общественных движений и партий с изучением динамики демократизации и контрдемократизации.

Исторические примеры, которые я исследовал, помогли мне понять, что существуют определенные критические точки политического процесса, в которых проявляют себя одновременно про-демократические и антидемо-

>>

кратические движения, перехватывая повестку друг у друга. Говоря словами Брено, я бы сказал, что «политические циклы» с высоким уровнем участия общественности, каким является нынешний контекст США, с большой вероятностью производят одновременно антидемократические и про-демократические движения.

Работая над монографией, посвященной движениям и партиям, я обнаружил несколько таких пересечений в истории США. Первый политический момент относится к началу двадцатого века, когда развивались одновременно женское суфражистское и анти-суфражистское движения. Вторым моментом, когда в 1930-е гг. Великая Депрессия произвела одновременно движение за расширение демократии (Рузвельтовский Новый курс) и несколько антидемократических движений (напр., антисемитское движение «радиосвященника» Отца Кофлина). И, конечно же, третий пример: движение за гражданские права 1960-х гг., которое привело к широкой мобилизации движения против прав чернокожих. Это были не просто взаимодействия между движением и контрдвижением: обе стороны мобилизовались во имя того, что они считали демократией.

Позвольте дополнить мой ответ отсылкой к динамике Трамп/анти-Трамп-мобилизации, пик которой пришелся на атаку Капитолия 6 января 2021 г. В тот момент прогрессивные люди, к которым я отношу и себя, стали свидетелями того, как толпа помогла Трампу совершить *autogolpe* (термин вошел в английский язык после этого события) как выражение авторитаризма. И это правда, что Трамп и его помощники хотели опровергнуть результаты легитимной и убедительной электоральной победы Джо Байдена. Но если мы внимательно прислушаемся к риторике повстанцев, атаковавших Капитолий в поддержку Трампа, то услышим, что многие из них оправдывали свои действия принципами демократии и свободы.

АА и ББ: Когда Вы говорите о современном обществе, Вы показываете, как растущее неравенство влияет на коллективные действия. Однако интеллектуальная традиция, к которой Вы принадлежите, оставляет в стороне отношения между социальным классом и политическим действием. Как Вы сейчас смотрите на этот вопрос?

СТ: Вы правы, отмечая, что теория политического процесса обычно не придавала значения таким структурным факторам протестной политики, как неравенство, класс и даже капитализм. Это отчасти было обусловлено тем, что ученые, подобные мне, реагировали на тенденцию неомарксистской традиции сводить все формы протеста к реакциям против капитализма (это все еще в большой степени так в мир-системном подходе Иммануила Вал-

лерстайна, Джованни Арриги и их последователей). Фокус на политических и институциональных факторах, таких, как структура возможностей, привел к недооценке более глубокого влияния класса и классового конфликта.

В последние годы в работах Д. дела Порты и ее коллег, посвященных Великой рецессии и последующей политике строгой экономии в Европе, произошел возврат к исследованию класса и неравенства как движущих сил мобилизации. К тому же, происходит возрождение марксизма как ключевого подхода для интерпретации мобилизации в работах Манчестерской школы, включая двух американцев – Джеффа Гудвина и Джона Крински. В четвертом издании *Power in Movement* [Власть в движении] я попытался до определенной степени восстановить концептуальный баланс.

АА и ББ: В нашей беседе мы много обсуждали связи между Соединенными Штатами, Латинской Америкой и Европой. К счастью, эти диалоги развиваются и исследования общественных движений становятся более глобальными. Чего, как вам кажется, не хватает для развития значимых (и более глубоких) глобальных диалогов, посвященных о современным общественным движениям?

СТ: Слишком многое нужно сказать по этому поводу. Кроме глубоких исследований таких авторов, как Ханспетер Кризи и Донателла дела Порты, практически нет структурированных кросс-региональных сравнений. За исключением исторических реконструкций Стивены Левитски и Дэниела Зиблатта, нет кросс-национальных сравнений того, как популистские движения атаковали и разрушали демократию. И кроме первопроходческой работы нескольких молодых ученых, не хватает кросс-региональных исследований на пересечении между движениями и правовой системой.

Но я полагаю, что следующим шагом в сравнении движений между континентами, будет движение за пределы микро- и мезо-аналитических перспектив к макроструктурным эффектам протестной политики. Донателла дела Порты и ее группа во Флоренции уже начали такое исследование движений против мер строгой экономии в пост-рецессионной Европе. Но кроме них, очень мало исследователей пытается вернуться к макроструктурным перспективам, которые превалировали в более ранний период изучения общественных движений. При таком повороте нужно сохранить важные инсайты современной теории политического процесса. Я очень жду прогресса нового поколения исследователей в этом направлении. ■

Адрес для связи: <sgt2@cornell.edu>

> В защиту МИНИМАЛЬНОГО секуляризма

Сесиль Лаборд, Оксфордский университет, ВБ

Иллюстрация Арбу, 2023.

Должно ли либеральное государство быть секулярным? Требуется ли либерализм строгого отделения церкви от государства? Это не только теоретические вопросы. Большинство западных государств являются светскими и формируют разные отношения с религиозными учреждениями и вероисповеданиями. Однако подавляющее большинство людей в мире живет в странах, политические режимы которых либо являются конституционными теократиями – где религия формально встроена в государство, либо вероисповедание является основой коллективной политической идентичности. В таких разных странах, как Египет, Израиль, Турция, Индия, Индонезия и Польша, к примеру, политика и религия переплетены способами, которые не соответствуют ни одной модели секулярной сепарации. Многие такие государства, например, ссылаются на религиозные традиции в формулировке законов, обеспечивают материальные и символические выгоды представителям основной религии и настаивают на соблюдении консервативных норм в вопросах сексуальности и семьи. Получается, они автоматически нарушают либеральную легитимность? Существует ли минимум секуляризма – или раз-

деления между государством и религией – необходимый для либеральной легитимности?

В своей книге *Liberalism's Religion* [Религия либерализма], я утверждаю, что такой минимум существует. Секуляризм, однако, – это гораздо более сложный политический идеал, чем принято считать. Я разбираю различные аспекты секуляризма и показываю, как они соотносятся с различными измерениями того, что мы (на Западе) обычно называем религией. Вместо того, чтобы задавать вопрос о том, может ли секуляризм путешествовать, который подразумевает в качестве ответа выяснение того, насколько различные незападные страны успешно соответствуют предполагаемой модели Западного секуляризма, я начинаю обсуждение либерально-демократических идеалов, предполагая, что они не являются этноцентричными. Права человека, свобода, равенство и демократия являются универсальными идеалами. Затем я стараюсь ответить на вопрос о том, сколько и какое разделение государства и религии необходимо, чтобы обеспечить эти идеалы. Короче говоря, я выявляю минимальное секулярное ядро либеральной демократии.

>>

> Четыре либерально-демократических идеала

Я считаю ошибочным тезис о том, что либеральная демократия требует строгого разделения между государством и религией по французской или американской модели. Существует более широкий спектр возможных моделей секуляризма. Основой минимального секуляризма являются четыре либерально-демократических идеала: *оправданное государство*, *инклюзивное государство*, *ограниченное государство* и *демократическое государство*. Каждой модели соответствует специфическая характеристика религии: *недоступность религии*, *уязвимость религии*, *всеобъемлющий характер религии* и *теократическая религия*. Позвольте мне подробнее проанализировать эти характеристики.

Оправданное государство основано на представлении о том, что государственные служащие должны оправдывать свои действия, апеллируя лишь к публичным, *общедоступным* аргументам. В теории минимального секуляризма, только государственные служащие обязаны приводить публичные оправдания: секуляризм является ограничителем действий и оправданий государства, а не обязанностью всех граждан. Госслужащие не должны апеллировать к авторитету священных доктрин или к личному откровению, чтобы оправдать правовое принуждение граждан. В конкретных обществах, *доступность* определяет, что общего есть у всех граждан и на этом основании формируются законы, которые распространяются на каждого. Важно, что не только религиозные идеи являются не общедоступными и не все религиозные идеи недоступны: условие доступности не исключает публичного присутствия религии.

Инклюзивное государство опирается на идею, что государство не должно ассоциироваться с одной религиозной идентичностью, чтобы не отказывать в равном гражданском статусе представителям иных конфессий. Чисто символическое признание тоже не допускается в том случае – и только в том случае, – когда оно ограничивает равенство доступа к гражданству. Здесь в центре внимания оказывается другое измерение религии: здесь мы не говорим о личных религиозных откровениях или недоступных публике верованиях и доктринах. Скорее, это измерение структурно похоже на *другие политически разделяющие или уязвимые идентичности*, такие как раса и иногда культура или этническая идентичность. Либеральное государство не должно быть христианским или индуистским, когда эти идентичности являются – как в большинстве современных государств – факторами политического различия и уязвимости. Однако в обществах, где религиозная принадлежность не является социально *разделяющей*, уязвимой идентичностью, оснований для секулярной сепарации становится меньше.

Ограниченное государство основывается на идее, что либеральное государство не должно принуждать всех граждан следовать единым этическим правилам. Эта либеральная ценность подчеркивает измерение религии как целостной личной этики, которая распространяется на образование, сексуальность, правила приема пищи, работы, внешний вид и так далее. Многие либеральные права являются продуктами жестоких сражений против власти традиционных религиозных авторитетов за право выстраивать сферу индивидуальной свободы и сохранять ее. Примером являются такие либеральные законы, принятые в XIX и XX веках, как законы о браке и разводе, права женщин и сексуальные права. То же самое можно сказать о современных конфликтах по по-

воду аборта и прав ЛГБТ в Африке и обеих Америках. Тем не менее, религия не сводится к личной этике. Религиозные традиции также производят нормы координации и кооперации (напр., праздники), которые представляют собой менее острые угрозы индивидуальной свободе.

Наконец, *демократическое государство* необходимо постольку, поскольку граждане глубоко расходятся во мнениях в отношении границ между личной и коллективной этикой, публичным и приватным, правильным и хорошим. Джон Локк утверждал, что государство должно заниматься «гражданскими» интересами и оставлять «духовные» дела спасения души на усмотрение индивидов и их личной жизни. Но кто должен решать, что относится к гражданскому, а что к духовному? В таких сферах, как автономия церкви и антидискриминационные законы, природа личности, семьи, брака, биоэтики и образования, общие либеральные принципы не дают определенных и окончательных ответов. В таких конфликтных случаях демократическое государство (в отличие от соревнующихся церквей) имеет окончательный суверенный авторитет. Оно решает, где пролегает граница между этим и «потусторонним» миром, между религиозным и светским. Именно эта характеристика либерального секуляризма является решающей: его демократичность заключается в том, что он черпает свою легитимность в воле народа, а не во вне-политическом, божественно данном или философски обоснованном авторитете.

> Демократический суверенитет

Таким образом, наиболее радикальный вызов либерализма в отношении религии состоит не в том, что он удерживает стену между государством и религией, а в том, что он предполагает демократический суверенитет. В рамках базовой либеральной легитимности и прав человека, глубокие разумные разногласия должны быть разрешены на основе принципов демократии. Разумеется, демократия не сводится к тирании большинства и должна обеспечивать представленность меньшинств, разделение властей и судебную подотчетность. Эта демократическая концепция либеральной легитимности допускает большую вариативность приемлемых отношений между государством и религией, чем обычно себе представляют светские и религиозные либералы.

Религиозное большинство, так же, как секуляризованное большинство, может навязывать свою собственную концепцию границы между государством и религией, *при условии, что соблюдаются остальные три либеральных принципа доступного оправдания, гражданской инклюзивности и личной свободы*. В секуляризованных обществах, государственный закон естественно отражает и продвигает нерелигиозную этику большинства. Это происходит, например, через демонтаж структур традиционной семьи и брака, распространение норм прав человека и отказ от дискриминации. Подобным же образом, в обществах, где религиозные граждане являются большинством, они могут формировать публичную сферу своих обществ, но только в рамках того, что я назвала минимальным либеральным секуляризмом. Кроме этого, у минимального секуляризма нет цели дать окончательные ответы на ключевые вопросы политической, публичной, частной и сексуальной морали. ■

Адрес для связи: cecile.laborde@nuffield.ox.ac.uk

> О всеобъемлющем либерализме, политическом либерализме и идеологии

Азми Бишара, Арабский центр исследований политики, Катар

Холст, масло и акрил. Рис.: Бела Риги ([instagram.com/belafrighi](https://www.instagram.com/belafrighi)), 2020.

Горячие академические дебаты о различиях между всеобъемлющим и политическим либерализмом выходят за рамки прикладной либеральной мысли, в каком бы уголке мира они ни происходили. Различение политического и всеобъемлющего либерализма, которое проводит Ролз является излишним. Политический либерализм Ролза построен на либеральных аксиомах, которые являются в большинстве своем ценностями «всеобъемлющего» либерализма,

за исключением того, что политический либерализм принимает эти ценности не в качестве ключевых, а в качестве эпистемологических данных. С другой стороны, когда всеобъемлющий либерализм приходит к власти, он становится политическим. Последний, практически, подобен политический идеологии и, в этом смысле, является всеобъемлющим. Политическая версия любой доктрины всегда является более всеобъемлющей, чем ее неполитическая версия.

>>

> Первая мысль

Считается, что политический либерализм лежит в основе плюралистичной государственной системы, которая защищает право граждан жить в соответствии с целостными доктринами правильной жизни, при условии, что эти доктрины могут быть подкреплены разумными аргументами. Поскольку политический либерализм не навязывает гражданам либеральную доктрину, подразумевается, что подавляющее большинство граждан согласно с конституционными принципами, на которые он опирается на практике.

Либералы у власти либеральны в политическом смысле. За пределами своих властных полномочий они имеют право практиковать свои либеральные взгляды так, как они их понимают. Но они не могут управлять государством на основании своих целостных представлений о «правильной жизни», потому что для того, чтобы это делать им понадобились бы государственные институты.

Утверждение Джона Ролза, что всеобъемлющий либерализм с большей вероятностью может насаждаться через инструменты государственного принуждения, не может быть подтверждено теоретически или эмпирически. Люди, придерживающиеся всеобъемлющих либеральных взглядов (несмотря на мою сдержанность по поводу такого названия), с наибольшей вероятностью будут выступать против насаждения своих взглядов с помощью государства. Этому способствует их приверженность гражданским свободам и твердое убеждение в необходимости ограничения власти государства. Такие либералы больше всех противостоят вмешательству правительства в жизнь общества, больше всех склонны ограничивать государственное вмешательство, которое угрожает индивидуальным свободам и больше всех стремятся к тому, чтобы люди добивались для себя своих свобод. Именно эта логика привела этих либералов не только к принятию, но и к требованию развития политики социального обеспечения.

Так как политический либерализм обозначает определенный тип управления государством, и имеет мало смысла, если не стремится активно выполнять эту задачу, он нуждается в конституционной защите от волатильности власти большинства в демократических системах. На это указывает, например, недавняя популистская волна, охватившая многие демократические общества, где нелиберальные правые пытаются воспользоваться демократическими правилами и принципами, чтобы насадить законы, противоречащие политическому либерализму. Или взять широкое распространение враждебного отношения к соблюдению конституционных гарантий прав и свобод в работе невыборных органов. Кризисы, порожденные конфликтом между либерализмом и демократией, т.е. между управлением согласно либеральным ценностям и управлением согласно воле большинства, случаются регулярно с тех пор, как эти два аспекта либеральных демократий совпали в двадцатом веке. В конце концов, такие кризисы полезны тем, что они позволяют системе перестраиваться, но только при условии, что государственные институты защищают ценности политического либерализма.

Одно из возможных пониманий либерально-демократического устройства может привести к противоположному заключению, согласно которому именно государ-

ство должно поддерживать политический либерализм (по крайней мере, во время упомянутых кризисов), а всеобъемлющий либерализм является просто субкультурой или стилем жизни, основанным на определенных ценностях, который стремится защитить средний класс или которому его представители придерживаются с разной степенью аутентичности или лицемерия. Такой либеральный образ жизни может оказаться изолированным от социально-политических процессов, протекающих в более широких сегментах общества. Например, пытаясь диктовать нормы политической корректности широкому обществу, так называемые всеобъемлющие либералы удивляются популистской волне и растущему влиянию групп, которые сопротивляются попыткам учить их жить.

На мой взгляд, всеобщий либерализм, выступающий в защиту конкретного понятия «хорошей жизни», это либерализм за пределами государственной власти. Всякие попытки насаждения его идеологии, выходящие за пределы защиты свобод и личной автономии, приведут к поражению и рискуют скатиться к антилиберальным практикам.

Политический либерализм – это не более и не менее, чем либерализм у власти. Это либерализм, который проходит проверку правлением. Существует много философских дискуссий (в рамках моральной политической философии и юриспруденции) о дилеммах, с которыми сталкиваются после прихода к власти разные течения либерализма. Эти дилеммы касаются степени вмешательства государства в экономику, значения равенства, представления о коллективных и индивидуальных правах. Защитники коллективных прав, в свою очередь, разделяются на тех, кто считает, что такие права являются дериватом индивидуального права на добровольные ассоциации, и тех, кто утверждает, что групповые права могут быть приписаны некоторому сообществу. Последние, в свою очередь, разделяются по вопросам о приоритете групповых прав или индивидуальных прав и защиты индивидуальных прав членов группы, обладающей коллективным правом.

Дискуссии на эти темы публикуются в сотнях книг и тысячах статей. Я не знаю более «всеобъемлющего» круга проблем, которые являются вызовом для либерализма. Расходятся ли различные политические либеральные подходы в этических суждениях по этим вопросам? Весьма. Можно сказать, что политический либерализм имеет более всеобщий характер, чем всеобъемлющий либерализм, потому что он сталкивается с разными аспектами жизни конкретных обществ и государств, в то время как всеобщий либерализм сталкивается лишь с противоречивым отношением между ценностями и практиками.

> Вторая мысль

Последующее заключение соответствует выводам, к которым можно прийти, анализируя жизнь в условиях авторитарных режимов, где либерализм вне властных структур все еще может считаться политическим либерализмом. Такое определение представляется уместным, потому что политический либерализм иногда проявляется внутри авторитарного режима через предложения про-

граммы проведения реформ, направленных на расширение степеней свободы самовыражения и гражданских свобод или через требования политической оппозиции.

На социальном уровне в таких государствах, либеральная мысль и образ жизни (основанные на принципах моральной автономии индивида, гражданских прав и личных свобод мужчин и женщин) могут сталкиваться с авторитарными практиками. Но одновременно они могут сталкиваться с другими оппозиционными идеологическими движениями, стремящимися изменить систему управления и использовать государство, чтобы навязать свое кредо.

С момента распада коммунистического режима в Советском Союзе и Восточной Европе, большинство мировых правящих авторитарных режимов перестали быть тоталитарными: они не навязывают всеобъемлющей доктрины обществу и институтам. Сегодня, большинство таких режимов оправдывают свое существование аргументами, основанными на принципе суверенитета, национальных интересов, вопросах безопасности и стабильности, мнимой культурной несовместимости народа и демократии и, все чаще, так называемым провалом либерализма на Западе. Все авторитарные режимы требуют большой степени физического и психологического насилия, чтобы обеспечить свою стабильность. Обычно существуют некоторые оппозиционные круги, которые проповедуют целостные нелиберальные доктрины. Они могут быть маргинальными, но власти используют их, чтобы предотвратить изменения.

В этом контексте произошли интересные события. Вместо противоречия между всеобъемлющей и политической формами, либерализм разделился на версию, продвигающую политические и гражданские свободы и анти-деспотические принципы, и другую, полностью сосредоточенную на индивиде, его личных свободах и стиле жизни. (Опять же, я не принимаю здесь в расчет неолибералов, которые сводят либерализм к экономике, потому что я вовсе не считаю их либералами). Парадоксальным образом, этот второй либерализм личных свобод может чувствовать себя вполне комфортно в условиях некоторых авторитарных режимов, поскольку, даже если эти режимы подавляют политический активизм и гражданские свободы, они не очень озабочены свободами отдельных индивидов.

Когда доктринальные либералы в авторитарных режимах думают политически, они могут прийти к убеждению, что им стоит отложить борьбу за личные свободы на политическом уровне в пользу продвижения либеральной программы, которая обещает политический плюрализм, открытый для сторонников различных всеобъемлющих доктрин, защиту гражданских прав и моральной автономии индивида. Однако такая позиция может оказаться формой самообмана. Свержение существующего режима без сохранения ключевых ценностей либерализма –

по крайней мере, на уровне политических элит – может открыть путь к власти для сил, которые привержены политическому плюрализму только в избирательных целях, а не ради защиты свободы и индивидуальной моральной автономии.

После свержения деспотического режима, необходимо, чтобы в обществе существовали политические элиты, приверженные политическим либеральным принципам, вне зависимости от своих доктринальных расхождений. В такой момент, после десятилетий жизни в условиях авторитарного правления, маловероятно, что доминантная массовая культура будет привержена либеральному конституционному консенсусу. К тому же, политические свободы еще не успеют пустить корни в публичной культуре.

Часто утверждают, что либерализм – это нормативная теория и, поэтому, является ответвлением этики. На уровне университетских курсов и академических конференций это может быть правдой. Но в социальных и политических конфликтах, либерализм становится идеологией. Именно в этом контексте имеет значение всеобщий характер либеральных идей. В этом смысле философский либерализм не может быть всеобъемлющим; он всегда абстрактен, даже когда является достаточно сложным и представляет собой целостную философскую систему. В свою очередь, идеология может быть всеобъемлющей и не обязательно в смысле тоталитарной догмы. Скорее, она всеобъемлюща в своей укорененности в обществе и в соотношении с разными аспектами жизни, культуры (язык, религия, нравы и пр.) и интересов. Идеология либерализма может обращаться к людям, связывая свободу с их культурой, интересами и чувством патриотизма, и представляя свою либеральную политическую программу освобождения индивида и общества. Когда либерализм дистанцируется от философии и вовлекается в приземленную реальность политических и социальных конфликтов, обнаруживается его всеобъемлющий характер, потому что он становится политическим. Соответственно, либералы призывают людей, например, к личному и общественному освобождению от тирании, не подрывая при этом оснований доминантной религиозной культуры. Они признают, что необходимо решить проблему бедности, проблемы бедных людей, которые останутся безучастными к призывам политической свободы, если они не предполагают облегчения их доли. В то же время, «либерал», для которого ключевым является прогрессивный личный стиль жизни, может благополучно существовать в секулярном авторитарном режиме. Такой либерал может согласиться с теми, чей «либерализм» сводится к рыночной экономике, и кто закрывает глаза на ежедневные нарушения прав человека. Такой либерал выступает заодно с теми, кто убеждает правящий авторитарный режим принять предписания Всемирного банка или Международного валютного фонда взамен на дальнейшие займы. ■

Адрес для связи: <azmi.beshara@dohainstitute.org>

> Социология как продолжение моральной философии другими способами

Фредерик Ванденберге, Федеральный Университет Рио-де-Жанейро, Бразилия и член исследовательского комитета МСА по социологической теории (ИК16)

Подобно астрономии, биологии и египтологии, социология является научной дисциплиной. Дисциплины – это первичные единицы внутренней дифференциации науки. Тем не менее, организация науки в дисциплины – это изобретение современности. До 1750 г. ученые (как профессионалы, так и любители) были универсалами, и их знание было энциклопедическим. Научные дисциплины появились в девятнадцатом веке в результате внутренней дифференциации наук и стали новыми способами упорядочивания знания для целей обучения.

Долгое время науки оставались под эгидой философии. Научная революция шестнадцатого века стала результатом сочетания математической формализации и физических экспериментов. За ней последовала вторая научная революция в восемнадцатом веке, когда эти дисциплины отделились от философии. Натурфилософия породила физику, химию и биологию. Подобным же образом, моральная философия была заменена на целую федерацию дисциплин (история, экономика, социология, политическая наука и антропология), которые составляют социальные науки. Гуманитарные науки, в свою очередь, определяются по остаточному принципу и включают все дисциплины, находящиеся за пределами естественных и социальных наук.

Именно в контексте дифференциации наук в Европе девятнадцатого века, на рассвете гумбольдтовской университетской революции в Германии Бисмарка и одновременно с основанием высших школ (*grandes écoles*) в наполеоновской Франции появилась социология. На пересечении немецких наук о духе (*Geisteswissenschaften*), британских моральных наук (которые включали политическую экономию), и французской политической мысли, социология выросла как эмпирическая ветвь философии истории. Новые дисциплины институционализируются как исследовательские науки, основанные на опыте (*Wirklichkeitswissenschaften*), но в то же время они продолжают традицию моральной философии (в широком смысле) своими способами.

> Социология и моральная философия

Моральная философия в широком смысле включает не только моральную, практическую и политическую философию, но также и философию истории. До сегодняшнего дня социология остается внутри «постгегельянской неокантианской» матрицы (если воспользоваться для описания подходящим, хоть и контр-интуитивным термином Поля Рикера). Она является неокантианской дисциплиной, потому что формулирует и формализует свои исследования отсылками к серии систематически интегрированных концептов, которые определяют, что есть социальное и как его изучать. Она также является постгегельянской дисциплиной, потому что отказывается от диалектики абсолюта и ограничивает себя анализом исторического развития объективного духа в социальных институтах.

Изначально не предполагалось, что социология станет одной из социальных научных дисциплин наряду с другими. Разумеется, она была специализированной дисциплиной, которая изучала социальные факты. Однако она была супердисциплиной, которая объединяла соседствующие дисциплины в общую социологию – сегодня мы бы сказали, в социальную теорию. Как французская, так и немецкая традиции считали социологию супердисциплиной, которая управляет производством социального научного знания и обеспечивает координацию социальных исследований на основе морально правильной, политически ангажированной эмпирической философии истории, не обращая при этом к телеологии или метафизическим понятиям.

> Восстановление социальных наук

Я напоминаю о предыстории социологии, потому что я считаю, что сегодня нам необходимо пересобрать социальные науки как целое. Дисциплина все больше направляет взгляд внутрь себя, удаляясь от философии и гуманитарных наук, определяя себя через специфические методы и данные, что приводит к тому, что она становится

>>

“Социология социологии, которая исследует моральные и политические предпосылки социологии, покажет, что критика социальной несправедливости и социальных патологий фактически подчиняется репертуару ‘либерального коммунитаризма’”

неспособной к пониманию трансформации общества в мировом масштабе. Ошеломленная скоростью социальных изменений, которые приносит цифровизация мира, потрясенная скоплением различных непредвиденных ею кризисов, сбита с толку новейшими общественными движениями, о которых она сообщает, но не может теоретически осмыслить, социология откатывается назад в своих теоретических амбициях и разрывает связь с философией.

Развитие социологических теорий среднего уровня в ущерб социальной теории, особенно ярко выраженное в Соединенных Штатах и Франции, не помогает осмыслить социальную реальность на более глубоком уровне. Социальная теория ушла из социологии. Сегодня ее практикует критическая теория (в экуменическом смысле, а не в муниципальном смысле Франкфуртской школы) и разные междисциплинарные сферы исследования - *Studies* – которые я понимаю как операционализацию постструктурализма. В монографии *For a New Classical Sociology* [В поддержку новой классической социологии], которую мы написали совместно с Аленом Кайе, разрабатывается модель нового яльянса между социальной теорией, моральной и политической философией и междисциплинарными исследованиями. В таком видении, социальная теория становится пространством, где могут быть переопределены философия, социальные науки и новые гуманитарные науки, и социальные науки могут развивать проект моральной философии ее же средствами.

Даже если мы больше не придерживаемся европоцентризма, который обычно идет в связке с эволюционистскими описаниями социального развития, сложно полностью избежать философии истории и ее предпосылки, что существует нечто, что соединяет общество и людей через время и пространство. Переход от постгегельнской философии истории к неокантианской философии истори-

ческих наук указывает в правильном направлении. Для такой науки как социология, которая тесно связана с ранней современностью и для которой современность является как предпосылкой, так и объектом изучения, наследие философии истории сохраняется и никогда полностью не исчезает.

При исследовании современных обществ трудно полностью избежать философии истории и еще труднее отказаться всем и сразу от нормативных принципов современности. Социология сама является продуктом современности и поддерживает нормативные принципы субъективности и свободы, на которых основаны современные общества. Именно эти принципы продолжают структурировать систему наук. Если социология изучает социальные предпосылки морального индивидуализма, она не может отрицать валидность нормативных принципов, но должна предлагать толкования их институционализации. Когда эти принципы отрицаются на практическом уровне, их валидность подкрепляется в критике отчуждения и дискриминации.

Социология социологии, которая исследует моральные и политические предпосылки социологии, покажет, что критика социальной несправедливости (дискриминации) и социальных патологий (отчуждения) фактически подчиняются репертуару «либерального коммунитаризма». Иногда социология больше склоняется в сторону коммунитарного полюса идентичности и аутентичности, в другие моменты – в сторону либерального полюса автономии и справедливости. Когда дисциплина подвергается атакам авторитарных режимов или режимов строгой экономии, возникает необходимость вновь обращаться к этим первым принципам – иначе сама дисциплина исчезнет вместе с миром, который она должна была анализировать и защищать. ■

Адрес для связи: <fredericvdbrio@gmail.com>

> Религиозный национализм и террор против космополитизма

Анна Халаффф, Университет Дикина, Австралия

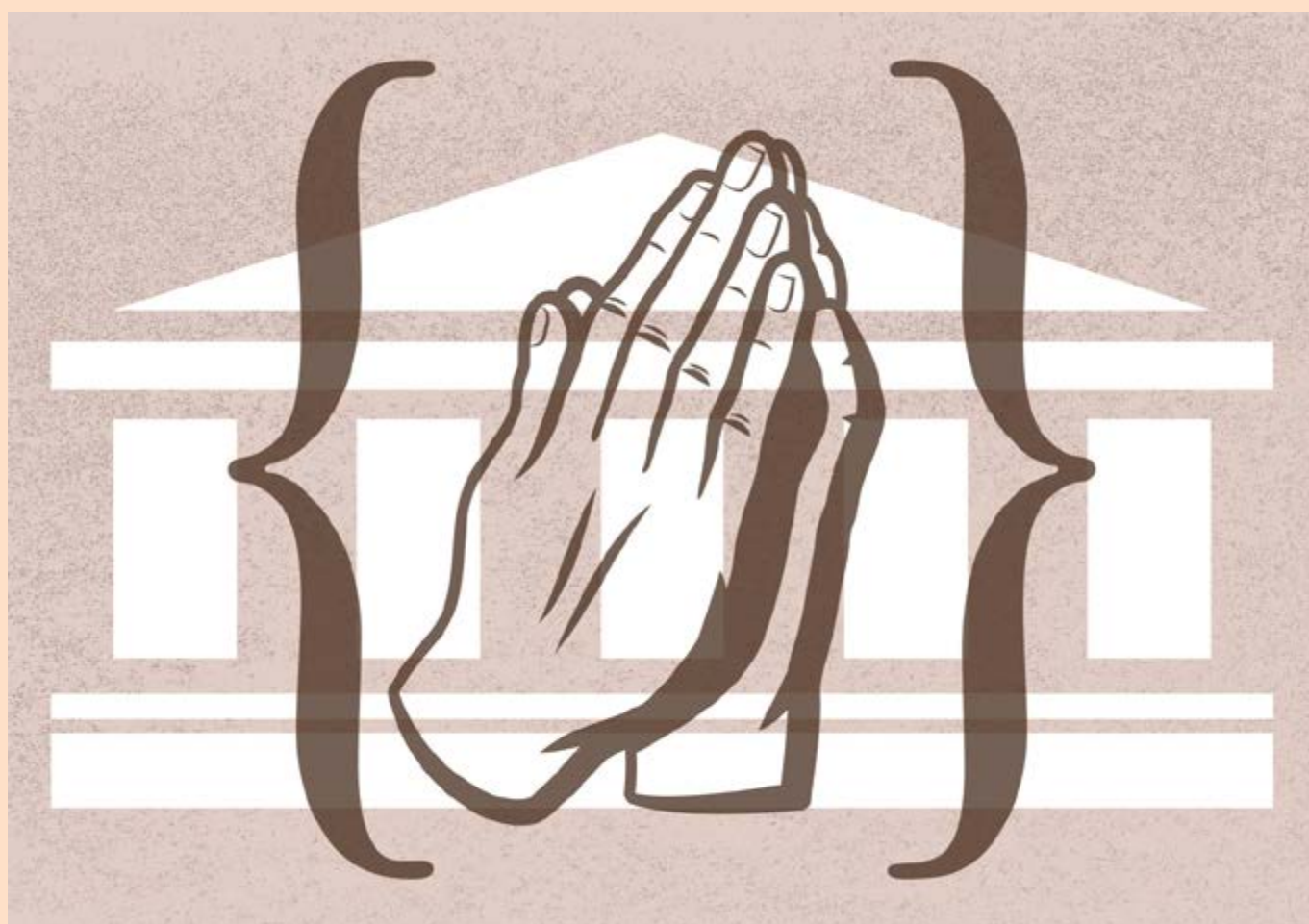

Иллюстрация Арбу, 2023.

В настоящее время мы наблюдаем глобальный подъем религиозного национализма и его способности осуществлять непосредственное или структурное насилие над «другими». Эти другие обычно понимаются как меньшинства по культурному, религиозному, гендерному признакам или сексуальной ориентации, а также как нечеловеческие формы жизни. Одни авторы утверждают, что акторы, причиняющие вред меньшинствам, часто злоупотребляют религией. Другие авторы, исследующие «амбивалентность сакрального», показывают, что у большинства религий есть определенные качества, которые predisполагают их как к насилию, так и к миротворчеству.

>>

> Сокрушительные результаты человеческого господства и рост консервативных тенденций

Религиозная исключительность и исключение в отношении других, уверенность в обладании знанием о наиболее верном решении, об истине, и чувство превосходства над другими ведут к неизбежным конфликтам между религиозными и нерелигиозными группами, а также с государством и другими акторами. Доктрины «священной войны», распространенные во многих религиозных традициях, оправдывают насилие в случае угрозы этой религии. Многие религиозные тексты приписывают более низкий статус женщинам и ЛГБТ+ персонам. Убеждение, что религия стоит над законом, также наносит существенный вред детям, женщинам, гендерным и сексуальным меньшинствам. Большинство видных политических фигур – мужчины, и религиозные идеологии часто подтверждают доминирование мужчин над всеми другими формами жизни.

Несмотря на прогнозы секуляризации современного общества – снижения власти и влияния религии на государство и общество, – в последние десятилетия во многих частях света мы наблюдаем тревожную тенденцию укрепления консервативных религий и их политических и медиа альянсов, что влечет за собой катастрофические последствия.

> Космополитизм и ответный антикосмополитический террор

Полезной рамкой для понимания этого феномена является конфликт, не цивилизаций, а космополитических и некосмополитических акторов, который описан в работах Ульриха Бека. Середина и конец двадцатого века были космополитическим периодом, когда росло осознание необходимости уважать права и разнообразие, как человеческие, так и окружающей среды. Эти принципы получили признание в глобальных декларациях и конвенциях, локальных законах, противодействующих дискриминации меньшинств и способствующих разнообразию. Однако эти тенденции не получили всеобщего признания, потому что они подрывали власть и привилегии консервативных групп и институций, в том числе и религиозных. Это привело к антикосмополитической реакции и подъему экстремистских религиозных и националистических движений, выступающих против прав меньшинств, либерализма и демократии, и требующих возвращения гетеронормативных «семейных ценностей».

Впервые я использовала термин «террор против космополитизма» в 2014 г., описывая чудовищное нападение Андерса Брейвика на молодежный лагерь в Норвегии в 2011 г. Его антииммигрантский и антифеминистский Манифест цитировал антиисламские высказывания австралийских консервативных политических и религиозных лидеров, сделанные на пике дебатов о так называемых австралийских ценностях. Массовые убийства, совершенные Брентоном Таррантом в мечети Крайст-

черч в 2019 г. и написанный им манифест также были вдохновлены Брейвиком, подпитывались антииммигрантскими взглядами и представлениями о превосходстве представителей белой расы, сформировавшимися в Австралии и в Европе.

В Индии, авторитарный индуистский национализм Нарендры Моди также способствовал росту антиисламских предрассудков и жестоким столкновениям между сторонниками хиндутвы (националистической доктрины индуизма) и ее противниками. Владимир Путин с помощью огромной машины агрессивной онлайн пропаганды давно позиционирует себя в качестве лидера консервативного мира. Режим Путина основывается на идее исключительности России и русского православия и опасной амбиции восстановить прежнее величие России. Путин и патриарх Кирилл участвуют в жестокой священной войне против Украины и Запада, распространяя ненависть и дезинформацию, чтобы дестабилизировать демократические режимы, одновременно поддерживая антикосмополитических лидеров и ультраправые движения во всем мире. Террору Путина стойко сопротивляется Владимир Зеленский, украинский народ и его союзники, а также антипутинские и антивоенные российские активисты, такие как Алексей Навальный и его сторонники.

> Обязательства социологов (религии) в современных условиях

Необходимо лучше понимать роль консервативных религиозных, политических и медийных акторов в глобальном распространении антикосмополитического террора и насилия. Критически важно, чтобы мы, социологи, вместе с прогрессивными религиозными и нерелигиозными сторонниками мира, активно участвовали в разоблачении этого террора и противостоянии ему. Социологи проводят исследования социальных отношений и институций, включая проблемы социального неравенства. Плеяда социологических исследований во всем мире в течение многих десятилетий документирует вред, который расизм и дискриминация наносят меньшинствам, и значимость инклюзивности и принадлежности для индивидуального и общественного мира и благосостояния.

Социологи религии повсеместно документируют негативные эффекты дискриминации в отношении религиозных меньшинств, но они уделяют гораздо меньше внимания выявлению и предотвращению религиозного и духовного ущерба. Призывы к свободе религии в последние годы сменили щит (выступая против насилия) на меч: они выступают с оправданиями дискриминационных взглядов и их проявлений. Поэтому жизненно необходимо, чтобы социологи были готовы исследовать все формы ненависти и вреда, которые связаны с религией. ■

Адрес для связи: <anna.halaff@deakin.edu.au>

> Современное состояние социальной теории

Микаэль Карлеенден, Университет Копенгагена, Дания и Артур Буэно, Университет Пассау и Университет Гете во Франкфурте, Германия

Рис.: Лахлан Дональд, Unsplash.

«**Т**еория следует за теоретизацией». Различение теории и теоретизации может показаться очевидным как различие теоретического продукта и процесса его производства. На самом деле, однако, это различие открывает новое поле вопросов. Что мы делаем, когда мы теоретизируем, и как нужно это делать? Требуются ли специальные навыки? Существует ли искусство, ремесло или метод теоретизирования? Если это так, то как они могут быть концептуализированы и развиты и как им обучать? Когда мы пытаемся ответить на эти вопросы, поражаемся тому, как мало внимания уделялось им в истории социологии.

Явной мотивацией к постановке таких вопросов изначально была необходимость перенести наше внимание

от теории к теоретизации с целью создания «лучшей и более смелой теории». Однако есть и другая причина, а именно, снижение статуса социальной теории в современной социологии. Возможна ли все еще «социальная теория как призвание»? Кажется, что завершилось не только «длинное лето теории», но происходит «эрозия воли» к развитию социальной теории в международной социологии.

Прежде чем просто оплакивать такое положение вещей, стоит подумать о том, как могла сложиться эта ситуация. Текущая девальвация теории тем более замечательна, что социальные мыслители играли центральную роль в развитии нашей дисциплины на протяжении всего двадцатого века. Однако уже в последней четверти этого

>>

века появились тенденции, которые в дальнейшем только усилились. Речь о таких тенденциях, как фрагментация социологии на субдисциплины и растущий фокус на эмпирических исследованиях, где ведущую роль играют количественные исследования. Разумеется, этот период также был отмечен появлением нового поколения социальных теоретиков. Но в то же время многие представители этого поколения выражают значительные сомнения по поводу актуальности большого теоретизирования – самым известным примером в этом смысле является Бруно Латур, теоретик, выступающий против теории.

Для такого сдвига, разумеется, были веские причины. Конец долгого лета теории сопровождался плюрализацией дебатов внутри дисциплины, включая большее внимание к особенностям каждого поля и к вкладу обычных акторов в конструирование социологического знания. Более того, рассмотрение различных контекстов производства знания привело к эвристической проблематизации дисциплинарных канонов и валоризации периферийных перспектив (Bueno et al. 2022).

И все-таки эти тенденции принимают не только форму интеллектуальных дебатов, но также привносят изменения в институциональную структуру самой дисциплины. С упадком большой теории, возможности специализированных исследований теоретических вопросов, стабильно уменьшаются. Условия существования социальной теории как профессии – то есть, как части «нормальной науки» – постоянно ухудшаются. Парадоксальным образом, критика большой теории может усилить те тенденции, которые считаются проблематичными. Теория может превратиться в сферу компетенции исключительно круп-

ных авторов, пользующихся доступом к исключительным институциональным условиям. Риск состоит в создании постоянно расширяющейся пропасти между эмпирическими исследованиями и социальной теорией. В таких условиях, призыв открыть дебаты о способах теоретизирования может быть понят как начало *Positivismstreit 2.0* (позитивистского диспута 2.0).

По этим и другим причинам, мы считаем, что необходимо обсуждать текущее состояние социальной теории. Цель определенно не состоит в том, чтобы вернуться к какому-то славному прошлому (которое, вообще-то не было славным во многих смыслах), но в том, чтобы прояснить разные пути и методы теоретизации и их социальные и политические последствия. Какую роль должна играть социальная теория в социологии? Связаны ли способы теоретизации с различными традициями внутри социологии и различными интересами знания? Являются ли некоторые – более или менее негласные – концепции теоретизации умирающими, а другие – восстающими из пепла понятий, доминирующих в прошлом?

Как читатель увидит, статьи в этом разделе не предлагают единого ответа на такие вопросы. В соответствии с духом плюрализма, они исследуют текущие возможности возрождения социальной теории, не предлагая простого возврата к предыдущим способам теоретизации, но также и не отрицая вызовы настоящего. ■

Адреса для связи:
<mc@soc.ku.dk>
<arthur.bueno@uni-passau.de> / Twitter: [@art_bueno](https://twitter.com/art_bueno)

> Приглашение к творческому теоретизированию

Ричард Сведберг, Корнельский университет, США

Рис.: Алекс Лантинг, Unsplash.

Естественно стремиться к тому, чтобы процесс теоретизации был более креативным, но как этого добиться? Большинство согласится, что невозможно дать точных предписаний, как быть креативным. Но можно содействовать *креативности*. То есть, можно поставить себя в позицию, где *возможно* создать что-то новое и ценное. В этой статье обсуждается приглашение к креативному теоретизированию.

Для социолога естественно обратиться к социологическим исследованиям креативности и посмотреть, какие факторы оказываются важными, когда речь идет об интеллектуальных открытиях и творчестве. Это, однако, не

так просто, как звучит, потому что факторы, значимые для социологического анализа, обычно отличаются от тех, на которые опирается отдельный человек, добиваясь своей цели. *Знание-как* (knowing-how), как показал Гилберт Райл, отличается от *знания-что* (knowing-that).

Однако, возможно исследования креативности помогут нам трансформировать некоторые *знания-что* в *знания-как*. Я назову этот процесс *трансляцией*. Ниже я представлю результаты хорошо известных социологических исследований креативности, а затем попытаюсь транслировать полученное ими *знание-что* в *знание-как*.

• **Исследование 1.** Роберт Мертон сформулировал тезис о том, что креативность может носить случайный характер, а открытия могут совершаться благодаря случайному стечению обстоятельств (*серендипности*, как он это называл). Так, например, Александр Флеминг открыл пенициллин совершенно случайно. Что-то упало в чашку петри, и он заметил, что в результате погибли все бактерии. В *The Travels and Adventures of Serendipity* [Путешествиях и приключениях серендипности], Роберт Мертон и Элинора Барбер утверждают, что существуют особые контексты, в которых серендипность более вероятна; это так называемые серендипные микросреды. Примером такой микросреды является Центр перспективных исследований в науках о поведении в Пало-Альто (который помог основать Мертон) и Гарвардское Общество Ученых.

• **Исследование 2.** Исследования сетей получили большое распространение в современной социологии. В этой традиции Рональд Берт проводит технический сетевой анализ креативности, результаты которого опубликованы в его работе *Structural Holes and Good Ideas* [Структурные дыры и хорошие идеи]. Основным аргументом исследователя заключается в том, что позиция человека, активно участвующего в двух сетях, так называемого брокера, очень способствует креативности. Например, можно быть социологом, но одновременно общаться с представителями других наук – когнитивных или биологических.

• **Исследование 3.** Попытки открыть секреты креативности с помощью сетевого анализа, обращенного к истории, можно найти в масштабном труде Рэндалла Коллинза по истории философии – *Sociology of Philosophies* [Социология философий]. Коллинз утверждает, что креативность порождается силами трех уровней: на уровне общества, на уровне организации и на уровне сети. В случае Немецкого Возрождения, например, социальной силой была Французская революция, ключевой организацией был Берлинский университет, а сеть, к которой принадлежал Иммануил Кант, имела особую структуру, состоящую из коллег, студентов и прочих участников. Креативная сеть обычно имеет несколько вакантных мест, которые со временем занимают новые действующие лица.

• **Исследование 4.** Если границы сети весьма размыты, то границы исследовательской команды – нет. Ее роль в современной науке отличается от роли сети. Одно важное исследование отношений между числом ученых в команде и их креативностью было опубликовано в журнале *Nature* в 2019 г. Социальный ученый-компьютерщик, Джеймс А. Эванс и его коллеги обнаружили, что ма-

ленькие коллективы, так же, как и ученые, работающие в одиночку, чаще совершают открытия-перевороты, чем большие команды. Термин «открытия-перевороты» они использовали для обозначения «сильных и весьма маловероятных теорий» (Хомски). Большие команды, однако, отлично работают в режиме нормальной науки и способствуют открытиям небольшого масштаба, которые являются дериватами существующей программы исследований.

> Как пригласить креативность

В начале этого текста я отметил, что, точных рецептов креативности не существует, но можно создать обстановку, которая ей способствует. Я также упомянул, что большинство исследований креативности фокусируются на *знании-что*, а нам нужно *знание-как*. Я предлагаю один из способов решения этой проблемы – процесс трансляции – и в дальнейшем покажу как он работает.

Сначала следует определить, что привлекает креативность. В исследованиях, которые я упомянул, выделены следующие факторы: у Мертона – серендипная микросреда; у Берта и Коллинза – определенный тип сети; у Эванса и др. – размер научной команды.

Теперь нам нужно понять, можно ли воспользоваться этими знаниями в наших целях и, если – да, то, как именно. Например, чтобы повысить вероятность креативности, можно попытаться стать частью какой-нибудь серендипной микросреды, присоединиться к креативной сети или войти в какую-нибудь команду, работа которой кажется нам многообещающей. Предполагается, что, в таких контекстах ваш сознательный и бессознательный ум начнет работать каким-нибудь креативным способом.

Кроме того, для усиления креативности можно также включиться в две сети, как это делает брокер Берта. Для этого существует много способов: например, можно познакомиться с идеями какой-нибудь другой группы или дисциплины с надеждой, что от контакта их и в ваших представлениях возникнут какие-нибудь искры.

Очевидно, что никогда нельзя быть уверенным, что приглашение креативности приведет к успешному результату. И все же, когда дело касается теоретизирования, нужно стремиться к чему-то новому и креативному. Девиз для этого мог бы быть следующим: *если не попытаешься, не взлетишь*. ■

Адрес для связи: <rs328@cornell.edu>

> Методы теоретизирования: призыв к плюрализму

Микаэль Карлееден, Университет Копенгагена, Дания

Социолог – это ученый, сидящий на стуле с тремя ножками: качественные исследования, количественные исследования и социальная теория. Если одна из ножек в плохой форме, стул может сломаться, а социолог – упасть.

Рис.: Чарльз Делувио, Unsplash.

Как мы должны понимать отношения между теоретической и эмпирической работой? Социологи чаще всего утверждают, что они крайне проблематичны. Часто встречаются такие характеристики этих отношений как «очень глубокий пробел» (Парсонс), «расхождение» (Блумер), и «крайне разрушительное разделение» (Joas and Kjøbl). Попытки понять эти отношения делятся столько же, сколько существует дисциплина социологии. Тезисы менялись вместе с доминирующими методологическими убеждениями. Ввиду этой истории, кажется разумным поддержать плюралистский подход. Поэтому предлагаю исходить из следующего базового положения: социолог – это ученый, сидящий на стуле с тремя ножками: количественные исследования, качественные исследования и социальная теория. Если одна из этих ножек в плохой форме, стул может сломаться, а социолог – упасть.

Эти «ножки» означают внутреннюю дифференциацию социологии на три основных субдисциплины, тогда как весь стул означает их взаимозависимость. Эти три субдисциплины развивают взаимодополняющие навыки и знания. Необходимость интегрировать эти навыки и знания, сохраняя преимущества дифференциации и специализации, сейчас обсуждается под названием «смешанных методов». В фокусе такой работы, в первую очередь, отношения между количественными и качественными исследованиями. А что же третья ножка? Может быть, мы просто должны добавить ее к методологии смешанных методов и анализировать двухчастные отношения вместо трехчастных? В этой статье, я предлагаю другой путь.

> Мы все теоретизируем

Мое предложение основано на наблюдении, что сегодня большинство социологов считают, что занимаются теоретизацией, в той или иной форме. Теоретизация кажется непосредственно включенной в первые две субдисциплины, тогда как социальная теория имеет только косвенное отношение к эмпирическим исследованиям. Более того, теоретизация на уровне первых двух субдисциплин, кажется, не занимается приоритетно применением и проверкой социальных теорий в смысле третьей субдисциплины. Ско-

рее, все три субдисциплины содержат *разные* практики теоретизирования. Если это так, то любая попытка ответить на поставленный мной вопрос должна принимать во внимание несколько типов отношений между теоретической и эмпирической работой. К тому же, теоретизация должна пониматься как дифференцированная и потому нуждается в интеграции, без которой теряется польза дифференциации.

> Недостающие методы теоретизирования

Это предложение предполагает, что мы не только должны говорить об эмпирических методах, но и о теоретических методах. В качестве первого шага, мы можем провести различие между анализом переменных, интерпретативным анализом и социальной теорией. Однако часто неясно, что имеют в виду социологи, когда говорят, что занимаются теоретизированием и как именно проводится эта теоретизация. В сравнении с эмпирическими методами, социологи удивительно редко рефлексируют о ремесле или искусстве теоретизации – даже в рамках социальной теории. Мы редко или никогда не видим учебников, курсов, журналов, методологических секций или исследовательских сетей, посвященных теоретическим методам. Так, теоретические практики скорее характеризуются «знанием-как», чем «знанием-что» (Ryle). Поэтому чтобы предотвратить методологический и теоретический империализм и развивать разнообразные практики теоретизации, нам необходимо прояснить эти практики, т.е. сформулировать методы теоретизации.

Развивая модель семи значений теории, которую сформулировал Габриэль Алмонд, я предлагаю семь методов теоретизации в отношении к трем субдисциплинам социологии¹.

- *Количественные исследования (анализ переменных):*
T¹ Эмпирическая генерализация фактов и корреляций между переменными.
T² Построение гипотез о каузальных связях между переменными на среднем уровне.
- *Качественные исследования (интерпретативный анализ):*
T³ Интерпретация: контекстно-зависимая (с близкого расстояния и насыщенная) концептуализация значения конструкторов.
- *Социальная теория:*
T⁴ Социально-теоретическая экзегетика.
T⁵ Социальная онтология: концептуализация фундаментальных характеристик социальных отношений.
T⁶ Социальная критика: построение, реконструкция или деконструкция социальных норм и практик.
T⁷ Теория общества: концептуализация конституирующих структурных принципов общества и их трансформации в течение времени (макроуровень).

> Наблюдение или кабинетный подход

Это различие способов теоретизации основано на двух критериях: тип отношений между теоретизацией и наблюдением (напр., опросы, интервью, полевые исследования и эксперименты), с одной стороны, и тема теоретизации, с другой. Тот факт, что теоретизация в первых трех случа-

ях напрямую включена в эмпирическое исследование не освобождает их от проблемы связи эмпирической и теоретической работы. Все методы теоретизации должны принимать во внимание, что теория «не полностью определяется эмпирическими свидетельствами». Первые три метода существенно отличаются от последних четырех, поскольку проблемы, подлежащие социальной теоретизации, не могут быть решены исключительно эмпирическими исследованиями. Эти проблемы в первую очередь требуют «кабинетной социологии».

Однако стоит подчеркнуть, что методы, представленные выше, следует понимать как чистые типы. Теоретическая работа чаще всего состоит из некоей комбинации этих типов. Гипотетически-дедуктивный метод, например, может быть понят как комбинация T1 и E2. Социальная теоретизация в смысле T5, T6 или T7 чаще всего начинается с T4. Анализ переменных требует интерпретативного анализа при операционализации понятий, а интерпретативный анализ требует анализа переменных для оценки общей релевантности результатов. Более того, два типа анализа требуют T7 (чтобы идентифицировать влияние структурных факторов на объекты исследования), T5 (чтобы рефлексировать их онтологические основания) и T6 (чтобы учесть ценностную подоплеку фактов). С другой стороны, чтобы избежать пустоты чистой социальной теории социальная теоретизация должна опираться на результаты эмпирического исследования. Однако разделение социологии на субдисциплины означает, что только некоторые методы теоретизации применяются в каждом конкретном исследовательском проекте. Чаще всего, только один или два из них используются систематически, тогда как другие носят второстепенный характер, используются по случаю и негласно заменяются теоретизацией на уровне здравого смысла. Для умелой теоретизации важна специализация, которая одновременно подчеркивает значение кооперации между субдисциплинами.

> Призыв к теоретическому плюрализму

Итак, мое предложение состоит в том, чтобы принять концепцию нескольких методов теоретизации в качестве исходной позиции соединения теоретической и эмпирической работы. Это подразумевает, что теоретизация в социологии состоит не только в тестировании социальной теории эмпирическими исследованиями, и не только в замещении социальной теории анализом переменных или интерпретативным анализом. В истории социологии часто встречались оба этих ошибочных понимания. Сегодня существует много признаков, указывающих в направлении реабилитации социологии, в которой доминирует анализ переменных. Мы, возможно, переживаем «сциентизацию» социологии, какой мы не видели с 1940-х и 1950-х гг. Эти признаки являются поводом для призыва к теоретическому плюрализму. Если мы не сможем позаботиться обо всех трех ножках стула, на котором мы, как социологи, сидим, мы все рискуем упасть. ■

Адрес для связи: <mc@soc.ku.dk>

1. Carleheden, M. "Unchain the beast! Pluralizing the method of theorizing" [Освободите животное! Плюрализация методов теоретизирования] / Fabian Ancker and André Armbruster (eds.) *Die Praxis soziologischer Theoriebildung* [Практики социологического теоретизирования]. Springer (в печати).

> Давайте практиковать свободолюбивую социологию!

Анна Энгстам, Университет Лунда, Швеция

“Дилемма сороконожки” Кэтрин Крастер (1841–1874):
Сороконожка просто шла/покуда жаба вдруг/Не спросила у нее:
Скажи, какой из ног шагнешь/ты первый шаг? /
Которой вслед на ней?/Так крепко думать стала та, /что все там и
лежит;/Которой мне из сорока/Ногой сперва ходить? (пер. с англ.)
Рис.: Зак Лезневич, Unsplash.

«Если бы мы знали, что мы делаем, это не называлось бы исследованием, верно?» Эта известная цитата приписывается Альберту Эйнштейну, который несомненно воплощает саму идею гения. Кто бы ни был автором этих слов, он точно подметил необходимость интуиции: идти вперед, не подвергая постоянно сомнению то, что делаешь; открываться недисциплинированному, неформальному мышлению; доверять своей способности достичь чего-то интересного без очевидной рациональной мысли и способа принятия решений. Если задуматься, нельзя прийти к чему-то новому только через критическое мышление, не так ли? Креативное мышление необходимо чтобы производить оригинальные задачи и идеи и более того: *нужно возвыситься над обычной креативностью! Нужно думать, как гений!*

Стал бы возражать против этих утверждений Роберт К. Мертон? [Ричард Сведберг](#) отметил, что Мертон был, воз-

можно, «первым социологом, выделившим тему теоретизации как особую область знания, изучения и обучения». «Хорошо, что вы знаете, что делаете», – говорил он своим студентам. Этими словами Роберт Мертон подчеркивал важность осознанных решений на каждом шагу теоретизации. Сведберг поддерживает этот аргумент: «Мертон привлекает наше внимание к тому, что теоретизация заставляет обращать пристальное внимание на ряд вопросов, которые часто считаются чем-то само собой разумеющимся». С другой стороны, нам известно «что [теоретизация] не происходит линейно и логически», и это плохо сочетается с [мертоновской идеей дисциплинированного исследования](#).

В основе любой теоретизации лежит задача решить «загадку, обнаружить в социальном мире нечто, что кажется странным, необычным, неожиданным или новым» и «выдвинуть оригинальную идею, которая бы разрешала, интерпретировала или отвечала на эту загадку» – это определено сердце любой теоретизации ([Andrew Abbott](#)). Но до какой степени стоит подвергать процесс изобретения интеллектуальному анализу? Может ли наше знание-как быть улучшено с помощью накопления знания-что? Возможно, этот вопрос о соотношении интеллектуализма и антиинтеллектуализма находится в сердце теории теоретизации? Эйнштейн предостерегал от чрезмерного анализа (см. его [интервью](#) 1929 г. с Георгом Сильвестром Виреком): «Возможно, вы помните историю жабы и сороконожки?» (Если не помните, прочитайте замечательную [поэму](#) Кэтрин Крастер 1871 г.!) «Есть вероятность, что анализ может парализовать наши ментальные и эмоциональные процессы таким же образом, как описано в этом произведении». Урок состоит в том, что упорные размышления о том, что делаешь, могут быть разрушительными и привести к снижению продуктивности. Увлекательную [историю Чарльза Сандерса Пирса](#) (1907 г.) о том, как он вернул себе украденные вещи с помощью простого угадывания, может быть понята так же. Посыл понятен: *Доверьтесь своей способности угадывать!* Именно это удалось Эйнштейну.

Когда его попросили «объяснить внезапные скачки в развитии научного знания», Эйнштейн приписал свои собственные открытия интуиции и вдохновению: «Иногда я просто чувствую свою правоту. Хотя не знаю наверняка». Любопытно, как он преодолевает пропасть между искусством и наукой: «Во мне достаточно от художника, чтобы рисовать, опираясь на собственное воображение». Также делает Пирс: ученые должны признать значимость «искусства вопрошания», креативного аспекта формулировки гипотез, который отражает гипологический (необязатель-

>>

ный) аспект так называемого абдуктивного рассуждения. *Не стоит спешить с умозаключениями, но стоит задать вопрос «А что если...?» Используйте свою интуицию! Полагайтесь на свое воображение!* Теперь у нас есть представление о том, что должен делать гений, занимаясь научными исследованиями. Ниже я попытаюсь также дать ответ на этот вопрос, опираясь на работы Т. Куна.

В конце своей жизни, [Томас Кун](#) рассуждал о том, как он осмысливал разрывы в развитии физики: «Я кантианец, который считает границы между дисциплинами подвижными,» – говорил он. Позволю себе продолжить: *Кун – кантианец, который полагает, что границы между дисциплинами размыты, кантианец, который признает значимость гения за пределами изящного искусства – кантианец с ноткой Ницше.* Как бы то ни было, я читала [Структуру научных революций](#) (1962) как новаторский бриколаж. Как видно из исторических записок об исследовательской деятельности Куна, чтобы понять смысл необычных сдвигов в истории науки, он опирается на рассуждения Канта о гении и искусстве в *Критике способности суждения* (1790). В 46-50 параграфах Кант говорит нам, что делает гения таковым, и далее указывает на *наивность как стиль мышления и творчества.* Я понимаю это так: через *недисциплинированную* креативность, гений производит дисциплинирующее произведение искусства – которое становится *примером для многих (Кун).* Точнее, гений выходит за рамки установленных понятий и находит форму для множества интуиций, создавая композицию, которая схватывает прежде передаваемую идею и находит отклик у автора и у других людей. Говоря кратко, *гений превращает неформальное мышление в формы и, как дитя будущего, влияет на других посредством резонанса.*

С этой точки зрения гений рассматривается как первопроходец (*Vordenker*), который должен разбить лед, когда серьезные аномалии сковывают науку и заставляют чувствовать себя странно; его формулировки придадут жизнь искусству, науке и всему, что находится между ними. *Веселая наука! (Gai saber!).* При этом Кун не умаляет значения научного сообщества. Он пишет: «Проблески интуиции», которые порождают новую модель/парадигму, *«зависят от опыта, как аномального, так и обыденного, полученного в рамках старой парадигмы»* (курсив мой – А.Э.) (1962: 122), то есть зависят от участия в практиках *нормальной науки.* Но этот «удар молнии, который освещает до того непонятный пазл, позволяет увидеть его компоненты по-новому и впервые продемонстрировать его решение», может быть заблокирован или не замечен, если вы слишком дисциплинированы, чтобы отложить интерпретацию или объяснение. Это главная причина, по которой мы, исследователи, не должны превращать традицию в дисциплинарную матрицу ([Кун](#)). Но как этого избежать? Нужно признать «искусство социальной теории» ([Swedberg](#))! И самому быть до некоторой степени художником! Дело в том, что можно думать, как гений, и не быть гением. Гений – это то, что вы думаете, а не то, как вы думаете. И пока вы не поймете, куда ведет ваша интуиция – не превратите неформальное мышление в формы – сложно сказать, есть ли в ваших идеях какой-то смысл. Сделайте пред-исследование в свободной форме ([Swedberg](#)), и это может стать хорошим началом. *Отложите разрешение пазла!*

Кун сам дает нам пример веселой науки. Не только ради развлечения, мы можем представить себе историю создания его книги «Структура научных революций» как классическую греческую драму: хюбрис (выражение сомнения в существующих положениях философии науки), перипетия (критика, которая побудила его к объяснению) и катарсис («Размышления о моих критиках» и другие последовавшие тексты). Но что он, собственно, делал? Он префлексировал.

Иногда хорошо размять свои мыслительные способности. И для этого нужна префлексия!

ИСКУССТВО	НАУКА
Игривое настроение	Методичное настроение
Наивность	Дисциплина
Интуиция	Рациональность
Неформальное мышление	Формальное мышление
Гипологичность	Логичность
Гипокритичность	Критичность
Беззаботность	Аккуратность
Веселость	Тщательность
Свободное плавание	Ориентация на цель
Дивергентность	Конвергентность
Префлексивность	Рефлексивность

В этой статье я попыталась описать идею префлексивности: концепта, которому я стараюсь придать форму. Что я имею в виду под префлексивностью и для чего эта неуклюжая новинка может быть нужна? Дефис может помочь в прояснении мысли, делая из неуклюжего слова нечитаемый концепт: пре-флексивность. Если вы знаете, что такое приставка в грамматике, вы понимаете, что значит пре-. Флекс, с другой стороны, – это английский корень слова, схожий с латинской морфемой *flex* – «согнутый», происходящей от слова *flectere* – «сгибать». Соответственно, префлексивный означает *перед сгибанием* или *перед состоянием согнутости.* Я предлагаю понимать пре-флексивность как как антоним рефлексивности, которую я понимаю как *процесс сгибания по-новому.* Таким образом, [п]рефлексивности (рефлексивность и префлексивность) могут быть поняты как противоположности простому следованию вперед, а точнее, нормальному движению по заданному пути. С куновской точки зрения, это следование по проложенному пути эквивалентно попытке решить сформулированную проблему тем же способом, которым некий первопроходец (*Vordenker*) уже решил сходную проблему, то есть, не выдвигая «оригинальную идею, которая разрешала бы [настоящий] пазл» креативным способом. С моей точки зрения, Кун пишет о префлексивности, не называя этого феномена. Разница между префлексивностью и рефлексивностью может, таким образом, быть прояснена в свете проводимого им различия между *интуициями* и *интерпретациями.* В сравнении с рефлексивным мышлением, префлексивное мышление основано на интуиции до такой степени, что может привести к неструктурированному *переключению гештальта* (ре-абдукции). Я полагаю, что ядром куновской теории науки и научных прорывов является идея префлексивности. ■

Адрес для связи: anna_helena.engstam@soc.lu.se

> После большой теории: полевая работа в философии?

Нора Хамаляйнен, Университет Хельсинки и Туро-Киммо Летонен, Университет Тампере, Финляндия

Рис.: Нил, Unsplash.

Всем известно, что с «социальной теорией» в последние десятилетия происходит что-то необычное. Однако существуют разные мнения относительно того, что именно происходит и как оценивать сложившуюся ситуацию.

> От «большой теории» середины века к «исследованиям» конца века

Защитники «теории» выражают сожаление, что социальные науки оказались захвачены мириадой эмпирических исследований, которые не претендуют на крупные обобщения о состоянии общества и не могут обеспечить исследования новыми основательными инструментами или перспективами. Эта ситуация сравнивается с творческим подъемом в социальной теории, произошедшим в послевоенные десятилетия, особенно с 1960-х по 1980-е гг., в период расцвета «большой теории». В европейской социологии этот период был отмечен оживленными дебатами, в которых были сформированы разные школы мысли, часто оппонировавшие друг другу. Разные формы марксизма бросали вызов «либеральной» традиции (американской) социологии. Никлас Луманн и Юрген Хабермас обменивались влиятельными, но расходящимися аргументами о комму-

никации и теории систем. Такие мыслители, как Энтони Гидденс и Пьер Бурдьё, запустили новые программы исследований, которые пытались найти середину между «акторами» и «структурами», и в которых подчеркивалась роль «практик». В европейской социологии нашли продолжение философские дебаты, порожденные, например, текстами о «постмодернизме» Жана-Франсуа Лиотара и Жана Бодрийяра и более долговечными работами Мишеля Фуко о власти и знании в исторической генеалогии западных форм субъективности.

Важный сдвиг произошел в 1980-е и 1990-е гг. вместе с консолидацией междисциплинарных полей «исследований» (studies); возникли такие области, как культуральные исследования, городские исследования, гендерные исследования, постколониальные исследования, исследования науки и технологий и, недавно, квир-исследования и исследования отходов (discard studies). Хотя исследования в этих сферах широко использовали теории прошлых десятилетий, способ применения их концептуального аппарата отличался. Социологическая работа смешивалась с исследованиями в областях антропологии, философии, истории и литературы и вместо того, чтобы стремиться сформулировать широкие обобщения, эта работа ориентировалась на эмпирические темы и характеризовалась методологическим плюрализмом и теоретическим разнообразием. Этот плюрализм оказался открыт к концептуальным инновациям в отношении эмпирической работы, включая растущее внимание к вопросам темпоральности и пространственности, телесности, материальности, практик заботы, эпистемических форм несправедливости и т.д.

Однако немногие из этих сдвигов содержат идею большой социальной теории. Сегодня амбициозные концептуальные усилия и теоретическая новизна не в состоянии захватить воображение современников. На факультетах социологии большинство исследований соответствует принципам куновской «нормальной науки»: методы и темы относительно стабильно определены, а для концептуализаций существует широкий выбор возможных путей, и все они считаются легитимными. Не похоже, что социологическую дисциплину ожидает обновление на пути высокого теоретизирования, которое, будучи самоцелью, превратилось в маргинальное времяпрепровождение.

> Теоретическая эффективность живой практики

Можем ли мы сказать, что пришел конец социальной теории? Такое заключение нам кажется ошибочным. Вместо оплакивания сегодняшней ситуации, когда теоретизирование не выглядит и не ощущается так, как рань-

>>

ше, мы хотим привлечь внимание к формам, в которых теоретическое мышление продолжает жить, где социологическая работа встречается с разными типами «исследований». Более того, мы предлагаем название для этого способа движения между различными интеллектуальными традициями: полевая работа в философии.

Фраза «полевая работа в философии» была использована философом Д. Л. Остином, чтобы подчеркнуть необходимость изучить повседневное использование языка, чтобы избежать неверных обобщающих вопросов философии. Позже эту фразу также использовал Пьер Бурдьё, которому она помогла размышлять о том, как превратить философскую деятельность в объект социального исследования. Со своей стороны, Пол Рабинов использовал этот термин в смысле, более близком нашему: он находил философско-теоретические способы постановки вопросов полезными для работы с комплексными современными реалиями в конкретных местах.

Общим знаменателем тех мыслителей, которые занимают «полевой работой в философии», является их внимание к живой практике (лингвистической, институциональной и т.д.) как источнике теории. Вместо того, чтобы применять «большую» (объяснительную) теорию к изучаемому миру, они в большей степени склонны позволить социальной реальности научить их, как ее рассматривать. Этот способ можно описать как движение от почвы, от основания, которое, тем не менее, направлено на формирование теоретически значимых результатов.

> Отличительные характеристики широкого поля

Фраза «полевая работа в философии» предполагает особенно близкую связь между философией и антропологической практикой. Однако, с нашей точки зрения, она также метко подмечает тональность, в которой сегодня проводится большинство социологических исследований. Так, вместо авторов «больших» теорий в списках литературы многих современных публикаций, мы видим ссылки на особый тип ученых – тех, кто философствует на основе эмпирических материалов и исторически укорененных данных. Это описание относится не только к работе таких философов, как Мишель Фуко, Бруно Латур, Иан Хакинг, Донна Харауэй и Эннмари Мол, но и к таким антропологам, как Анна Цинг, Мэрилин Стратерн, Эдуардо Кон и Тим Ингольд, чьи работы особенно повлияли на социологов, работающих на пересечении различных междисциплинарных областей и более классических форм качественных исследований. Мы выделяем ниже четыре характеристики широкой категории полевой работы в философии.

1. Эта работа фокусируется на определенном месте человеческой жизни с конкретными пространственно-временными границами, вместо формулировки якобы универсальных категорий. Например, такие места могут включать институциональные среды, где консолидиру-

ется современное понимание вероятности, как в *The Taming of Chance* [Укрощение шанса] Хакинга.

2. Теоретическая чувствительность полевой работы в философии подразумевает описание того, что происходит в определенном месте, основанное на убеждении, что это описание имеет теоретические и философские последствия. Примером является этнографическое исследование Эннмари Мол (2003 г.) в университетской больнице в Нидерландах, которое претендует на жанр «эмпирической философии».

3. Полевая работа в философии включает концептуальную работу над понятийным аппаратом, который используют люди в исследуемом месте, и который служит для описания того, что происходит в этом месте. Так, Фуко в книге *Надзирать и наказывать* не ограничивается формулировкой «категорий-участниц» дискурса, сопровождающего появление новых форм субъектности в тюрьмах, больницах, школах и армии во Франции девятнадцатого века, но также разрабатывает новые концептуальные инструменты для организации результатов исследования. В этом заключается роль таких знаменитых понятий, как «микрофизики власти», которые, из-за своей укорененности в определенном контексте, не предназначены быть «большой теорией», даже если они действительно могут передвигаться в другие места и поэтому оказываться полезными для других исследований.

4. Наконец, многие, хоть и не все, исследования, разделяющие принципы полевой работы в философии, занимаются онтологическими проблемами, т.е. сутью реальности. Арамис Латура – хороший пример такого подхода. При исследовании в мельчайших деталях подъема и падения одного технологического проекта, эмпирическое описание помогает ему говорить о том, что такое человеческое совместное бытие – коллективное.

Вместо того, чтобы оставлять последующим поколениям исследователей теорию, которая может быть «использована» по принципу «сверху вниз», исследования, разделяющие чувствительность полевой работы в философии, оставляют следы своей оптики и концептуальных инструментов, которые могут – если находят признание – быть задействованы на новых местах и модифицированы под новые интеллектуальные нужды. Иными словами, теоретическая чувствительность, которую представляют такие авторы, как Фуко, Латур и Мол, приглашает начинающих исследователей к концептуальной и методологической импровизации, совмещающей новые объекты изучения и новые вопросы. Так, развитие теории происходит в основном не в регистре «социальной теории», а в ходе текущей работе на местах. ■

Адреса для связи:
<nora.hamalainen@helsinki.fi>
<turo-kimmo.lehtonen@tuni.fi>

> Теория и (конец) практики

Артур Буэно, Университет Пассау и Университет им Гете, Франкфурт, Германия

Фото: Boys in Bristol Photography, Pexels.

Некоторые наиболее влиятельные направления современной социологии обращаются к понятию практики (Schatzki et al. 2000). Конечно, новизна этих подходов связана не самой этой темой. В длительных дебатах об агентности и структуре, пронизывающих социологию 20 века, понятие практики играло ключевую роль и существенно изменилось по сравнению с его первоначальным значением в марксистской теории. Такие авторы, как Бурдье или Гидденс, рассматривают практику не как форму революционного действия пролетариата, а более политически скромно и, вместе с тем, более объемно. Хотя практика все еще локализована на пересечении социального производства и социальной трансформации, она не предполагает радикального разрушения капиталистической системы; этим понятием охватывается процесс повседневной интернализации и экстернализации социальных структур.

Однако следующее поколение социологов считает такое понимание практики ограниченным, и полагает, что анализ действий как в основном нерелексированных актуализаций социальных структур по сути маргинализирует агентность, продвигает «сверх интегрированное» видение индивидов (Archer 1982) и, в конечном счете, описывает их как культурных марионеток (“cultural dopes”) (Boltanski 2011). Такое понимание также основывается на фундаментальной эпистемологической асимметрии, поскольку задачей социологии считается обнаружение структурных истин, недоступных обывателям. Оппонируя этому взгляду, такие авторы, как Латур и Болтански, продвигают представления об агентности нечеловеческих существ и о рефлексивных способностях человеческих существ. Они подчеркивают, что исследователь должен у них учиться и вступать с ними в дискуссию, а не заниматься просветительской деятельностью, занимая

внешнюю позицию или позиционируя себя сверху. Таким образом ставится под вопрос само понимание структуры. Такие категории, как «общество» или «капитализм», которые когда-то считались способными охватить скрытую логику практик, на самом деле мало чего объясняли: они просто давали название тем способам связи акторов в различных ситуациях.

> Парадокс практики

Этот теоретический шаг в основном был воспринят как стремление к демократизации познания. Отрицая предшествующие концепции практики, новое поколение социологов продвигало также новые программы, которые должны были радикально развиваться снизу-вверх. И, в самом деле, как иначе можно было показать, что эти подходы более серьезно относятся к действиям акторов, чем предыдущие? Кто будет возражать против признания активной и рефлексивной способности действующих сил или против баланса отношений власти между исследуемым и исследователем?

Изучение акторов, однако, может быть довольно тревожным опытом. Начиная 1980х годов и, особенно, в течение двух последних десятилетий, все громче звучат жалобы на качество наших демократий. Концентрация власти и богатства достигает такого уровня, что, как утверждают Чансел и Пикетти в своей недавней статье, «уровень неравенства, характерный для неокolonialного капитализма начала 21 века, сопоставим с ситуацией колониального капитализма начала 20 века». И это без упоминания проблемы климатических изменений, решение которой откладывается на каждом новом международном саммите, несмотря на широкий консенсус по поводу происходящего. Если проблема признана – а она

>>

действительно существует – значит рефлексивности вполне достаточно!

Таким образом категория практики создает парадокс. Чем больше исследователи подчеркивают множественный характер агентности и рефлексивные способности акторов, тем в большей степени они противостоят миру, который остается глухим к нашим требованиям, блокирует наши усилия по его преобразованию и помещает нас в прекарные условия (и каждое новое поколение социологов все более осознает это). Хотя такой эффект несомненно не является продуктом размышлений социальных теоретиков, ограниченных дисциплинарными рамками, он все же заставляет задуматься о политических последствиях понятия практики, которое мы используем. Как мы можем не замечать, в конце концов, что мы имеем дело с могущественными системами или структурами? Как мы можем отрицать, что реальности, построенные нами самими, действуют согласно логикам, которые ускользают от нашего влияния? Можно ли рефлексивно желать продолжения такого положения дел?

> Логика вещей

Создается впечатление, что мы непреднамеренно возвращаемся к социальным структурам и их очевидной самостоятельности, завуалированным механизмам и бессознательным мотивам. И все же восстановление теоретической альтернативы между агентностью и структурой, защита той или иной позиции, было бы в настоящее время ложным шагом. Их оппозиция соответствует «логике вещей», а не сущностной логике происходящего (“things of logic”). Вечно воспроизводящийся разрыв между действием и структурой это не просто эпистемологическая ошибка, а продукт работы социальной реальности как таковой. Именно поэтому мы соглашаемся с обеими сторонами. Мы не просто обладаем способностью действовать, рефлексивностью, динамичностью и множественностью, мы *вынуждены* быть такими. Но загадка заключается в том, что в то же самое время нам противостоит мир, который, в основном, отчужден или враждебен таким способностям. Парадоксальным образом, именно когда нас постоянно просят делать историю своими руками, мы совершенно не можем выполнить эту задачу. Мы становимся пассивными в нашей активности. Мы рефлексивны и в то же время мы марионетки (dopes).

Эту странную логику Маркс называет «фетишизмом», а Лукач «овеществлением». Может быть, мы должны вернуться к старому историческому понятию практики как праксиса? Наверное, это имеет смысл, но все же смысл понятия будет иным. В любом случае важно сохранить один аспект: в марксистской традиции практика – это то, что должно *быть реализовано*. Практика – это не просто постоянная интернализация и экстернализация социальных структур, независимо от результатов; это также не проявление существующих способностей к действию. Скорее, такие способности понимаются как потенциалы, актуализация которых блокирована или затруднена в современных условиях. Именно поэтому дихотомия агентности и структуры не может быть решена теоретически с помощью отказа от одного или другого из этих двух понятий. Эта дихотомия должна быть преодолена самой реальностью, самой «логикой вещей». В этом смысле практика синонимична борьбе, коллективной трансформации и эмансипации. Опосредование агентности и структуры должно быть не просто описано, а политически достигнуто.

> Пассивность и власть

Принимая такую концепцию практики, мы не отказываемся от всех положений современной социологии практики. Однако мы их переосмысливаем. Очевидно, что непризнание активных способностей акторов может привести к самопровозглашенному бессилию перед «системой», которая неизбежно берет верх. Именно это имеет в виду Латур, описывая идею капитализма: «Если вы постоянно терпите неудачи и не меняетесь, это не означает, что вам противостоит невидимое чудовище; это означает, что вам *нравится терпеть поражение* от этого чудовища, вы наслаждаетесь этим, вы любите это». И все же отрицание того, что существуют системные процессы, превращающие нас в (частичных) марионеток, приводит нас к тому же состоянию, хоть и другим путем. Если каждый раз, когда мы сталкиваемся с системным противодействием, мы говорим себе, что деятельность *все еще возможна*, сопротивление *еще существует*, практика *все еще реализуется*, мы обесцениваем сами эти понятия. Они становятся все менее содержательными и политически слабыми: чем меньше мы просим, тем меньше мы получаем и в следующий раз можем рассчитывать на еще меньшее.

Итак, признавая всемогущество системы или отрицая ее существование, мы в любом случае оказываемся в позиции бессилия и испытываем чувство поражения. Проблема не заключается в понятиях структуры и агентности самих по себе. Она заключается в том факте, что обе сущности рассматриваются как статичные: одна из них рассматривается всегда как некая данность, а другая как нечто незначительное. Понятие практики как праксиса, напротив, признает, артикулирует и трансформирует такую оппозицию.

Я уже писал о том, что особое значение для освободительных движений имеет признание того, что, несмотря на по-видимости индивидуальный характер деятельности, каждый индивид подчиняется структурной логике, которая находится за пределами его контроля. Вместо идеи агентности как данности мы признаем, что являемся пассивными «винтиками в машине». Но на этом процесс не останавливается. Признание уязвимости наших тел в отношении структурной логики приводит не к чувству поражения, а, напротив, может способствовать признанию материальной силы тех тел, без которых эта логика не может существовать. Парафразируем Маркса: базисом (капиталистической) системы господства является жизненная (рабочая) сила людей и нечеловеческих существ. Эта сила, будучи признанной и самоорганизованной, может быть направлена против существующих структур и привести к появлению новых структур. Агентность возвращается. Однако, теперь она является не действием изолированного актора, а выражением коллективной жизненной силы, в основании которой лежат общие условия уязвимости. Мы можем быть активными, только если мы признаем собственную пассивность. Практика становится целью, потому что люди признают, что она может положить конец существующему порядку. ■

Литература:

Archer, M. (1982) “Morphogenesis Versus Structuration: On Combining Structure and Action.” [М.Арчер. Морфогенез vs структуризация: о сочетании структуры и действия] *British Journal of Sociology* 33(4): 455–83.
 Boltanski, L. (2011) *On Critique: A Sociology of Emancipation*. [Л. Болтански. О критике: социология эмансипации] Cambridge: Polity Press.
 Schatzki, T.R., Knorr Cetina, K., von Savigny, E. (eds.) (2000) *The Practice Turn in Contemporary Theory*. [Шацкий Т.Р., Кнопп-Цетина К., фон Савиньи Э.(ред.) Поворот к практике в современной теории]. London: Routledge.

Адрес для связи: <arthur.bueno@uni-passau.de>
 Twitter: @art_bueno

> Что такое антиколониальная социальная теория

Суджата Патель, профессор в отставке, Университет Хиндергада, Индия и приглашенный профессор фонда Керстен Хессельгрэн, Университет Умеа, Швеция

Антиколониальная социальная теория основана на критическом понимании антиколониальной мысли, которая развивалась и распространялась по всему миру благодаря антиколониальным общественным движениям. Антиколониальная мысль различными способами оценивает конституированные иерархии и отношения господства/гегемонии на колонизованных территориях. Таким образом она предлагает протосоциологический анализ ролей и интервенций «местных» групп, выступающих против колониализма. Антиколониальная мысль разрабатывает метод деконструкции идей, принципов и утверждений, которые натурализуют колониальное господство на завоеванных территориях и подвергает историческому анализу процессы, с помощью которых такое доминирующее/гегемонное знание утверждается в колонизованных странах. Этот подход предполагает, что колониальное владычество является водоразделом и маркером капиталистической эксплуатации народов, регионов и территорий и стремится выработать новую эпистему, которая поможет осмыслить современную фазу модерности, определяемую колониализмом/империализмом.

Развитие социальной теории, основанной на антиколониальном подходе - это довольно недавний феномен, поскольку длительное время социальные науки вытесняли на периферию дискуссии об отношении колониализма/империализма и модерности. Однако с конца 1970х - начала 1980х годов тезис о множественности социологических теорий постепенно стал вытесняться социально-теоретическими подходами, связанными с антиколониальной социальной теорией. Эти изменения происходили после крушения позитивистского подхода, доминировавшего в конце 19 века, который оценивал существующие правила, уподоблялся правовому анализу и использовал модели регрессионного анализа переменных для понимания «социального». В то время, как некоторые ученые развивали герменевтику или интерпретативный и конструктивистский анализ, другие предлагали историзировать дисциплину, чтобы выявить, насколько социологическая классика и ее каноны релевантны для понимания ново-современных обществ в Европе и за ее пределами.

> Аутентичные онтологии и методологии, сменяющие гегемонную логику и ее аргументы

Социальную теорию можно воспринимать как социологически укорененную философскую рефлексию о мета-теориях, которая выявляет их онтологические и эпистемологические основания. Такое понимание социальной теории привело к признанию «нормативности» социоло-

гии (Chernilo & Raza). Я полагаю, что антиколониальная социальная теория является одним из таких нормативных трендов, который выясняет отношения между знанием, его полями и их капиталистическими и колониально/империалистическими основаниями. Такая методологическая интервенция ставит под сомнение использование господствующих/гегемонных форм логики и рассуждений; она стремится выявить онтологические основания инновативных способов мышления и получения знания. Этот подход утверждает, что господствующая гегемонная мысль ассоциирована с глобальными процессами исключения и неравенства, порожденными капиталистическим колониализмом и потому представляет нам новый способ производства знания в социальных науках. Эта методология теоретизирует политику конструирования знания, а не разрабатывает его. Таким образом она социологически рассматривает эмпирическое, теоретическое и «научное бессознательное», которое организует поля/дисциплины и стремится разработать новую альтернативу (Rutzou).

Протосоциологическая антиколониальная мысль и антиколониальная социальная теория имеют много изводов, поскольку колониализм, начиная с 16 века, утверждал себя в различных регионах мира, что привело к росту антиколониальной политической борьбы в конкретных пространствах и местах. Среди различных версий социологической антиколониальной теории можно назвать такие подходы, как индигенная социология, понятие индигенности и индигенной методологии (Atal; Akiworo; Smith); идея эндогенности и эндогенная мысль; теория экстраверсии (Hountondji); автономные и независимые социологии (Alatas); субалтерная теория, производный национализм и колониальное различие (Guha; Chatterjee); колониальная модерность (Barlow; Patel); внутренний колониализм (Martin); колониальный характер власти (Quijano); теория границ и размежеваний (Mignolo); Южная теория (Connell; De Souza Santos); связанные социологии (Bhambra); постколониальная социология (Go). Несомненно, эти различные подходы обладают уникальными характеристиками, но их также объединяет императив общего знаменателя. Этим общим знаменателем является онтология и эпистемология антиколониальной социальной теории.

> С чего начать

Антиколониальная социальная теория не только развивает методологию деконструкции господствующих/гегемонных позиций в разных географических областях, но также предпринимает шаги по их обновленному реконструированию в контексте глобального разделения

“Антиколониальная социальная теория также делает шаги к реконструкции господствующих/гегемонных позиций в контексте глобального разделения знания”

знания. Эта стратегия выявляет способы деконструкции институционализированных потоков циркуляции и воспроизводства знания. В рамках этой стратегии происходит переформатирование фрагментированного поля глобальной социальной теории: она утверждает, что различия не являются показателями закрытости поля. Описанные выше подходы и их авторы исходят из предпосылки, что знание «социального» идеологически ассоциировано с процессами колониального капитализма и представляет контексты колонизированного пространства/времени, которые способствовали гегемонному/ господствующему положению этих подходов. Антиколониальный подход утверждает, что современные социальные теории должны быть опосредованы и отфильтрованы с помощью теории политики производства знания, а осмысление колониальной и имперской геополитики является необходимым условием развития теории политики производства знания и современности.

Антиколониальный подход утверждает, что начальным пунктом построения онтологии является современная критика европоцентризма. Это предполагает, во-первых, признание уравнения власти, лежащего в основании европоцентричной бинарности «Я» и «Другого». Антиколониальная школа выявляет способы преодоления этой бинарности и находится в поисках нового эпистемического определения «Я». Такая задача заставляет ученых изобретать новые методы исследования политики власти-знания. К таковым относится методология эндогенности (Paulin Hountondji), структуралистская деконструкция архива (Ranjit Guha) и марксистская историография (Aníbal Quijano). Эти поиски привели также к анализу воздействия колониальной власти на конституирование иерархий на колонизированных территориях. Так, например, Гуа проводит различие между националистической элитой и субалтернами, а понятие эксплуатации, развиваемое Кихано, организовано в терминах класса и расы. Во-вторых, эти подходы способствуют смещению линейного эволюционистского понимания времени и истории. Авторы утверждают, что колониализм породил эпистемический разрыв, и именно с него должна начинаться история. Соответственно большинство антиколониальных теорий модерна, возникающих в регионах,

переживших колонизацию, осмысливают колониальные и имперские пространственные связи, которые организуют потоки товаров, идеологий и полей знания между метрополиями, полуперифериями и перифериями мира.

> Изучение атрибутов европоцентризма

Современная антиколониальная социальная теория исследует атрибуты европоцентризма, исходя из различных методологических стратегий, варьирующих от структурализма, постструктурализма, деконструкции, теории зависимости до мир-системного анализа и критической марксистской исторической социологии. Гегемонные доминирующие социальные теории характеризуются следующими признаками. Во-первых, они являются европоцентричными, поскольку они проецируют превосходство европейского опыта модерна. Во-вторых, они универсализируют европейские исторические и культурные модели модерна и таким образом содействуют зависимости от заданного образца (path dependency). В-третьих, иногда они частично реконструируют, а иногда умалчивают неевропейский исторический опыт, воспроизводя бинарности, которые включают иерархии по расовому, кастовому, гендерному и другим критериям. В-четвертых, они создают размежевания и выстраивают границы между социальными науками. И, в-пятых, они способствуют ориенталистскому взгляду на неевропейский мир.

Антиколониальная социальная теория утверждает, что необходимо картографировать контекст, время и пространство исследовательских программ и методов; осмысливать процессы, механизмы и события, которые оказывают воздействие на действия и акторов, принадлежащих к колониальным и колонизирующим мирам. Социальная теория помогает понять, как нужно строить субстантивные теории модерности, подтверждать их релевантность, получать эмпирические данные и применять их при проведении эмпирических исследований. Разрабатывая философские основания социологии, антиколониальная социальная теория может стать основанием современной глобальной социологии. ■

Адрес для связи: <patel.sujata09@gmail.com>

> Женщины, создающие социальную теорию за пределами канона

Луна Рибейро Кампос, Государственный Университет Кампинаса и Вероника Тосте Дафлон, Федеральный Университет Фламиненса, Бразилия

Рис.: фотомонтаж Витории Гонсалес, 2023.

В 1838 году Гарриет Мартино выступила с требованием создания правил «безопасных обобщений» в отношении обществ. Почти за 60 лет до публикации книги Эмиля Дюркгейма *Правила социологического метода* Мартино опубликовала трактат *How to Observe Morals and Manners* [Как наблюдать за нравами и обычаями], посвященный эпистемологическим проблемам производства знания о человеческих существах и их отношениях.

Мартино представляла социальное как сферу переплетения институтов, материальной жизни, символов, чувств, тел и демографических факторов. Как и ее предшественница Мэри Уолстонкрафт, она была убеждена в том, что домашние моральные правила и политика «на практике неразделимы» и что ученые могут разделять публичную и приватную сферу лишь в аналитических целях. Таким образом Мартино была мыслителем, опирающимся на принцип гендерного основания социальной жизни.

В последующие годы Мартино и другие женщины-теоретики, такие как Флора Тристан, Анна Джулия Купер, Марианна Вебер, Беатрис Поттер Вебб, Джейн Адамс, Шарлотта Перкинс Гилман и Александра Колонтай были забыты. Участие женщин в общественных дискуссиях и издательском деле в 19 веке за пределами англо-европейского контекста также было забыто, о чем свидетельствуют история индийской писательницы Пандиты Рамабай и южноафриканской писательницы Олив Шрайнер.

Жизненные и профессиональные траектории этих женщин крайне разнообразны. Некоторые из них были глубоко погружены в создание социологии, другие не занимались этой научной дисциплиной, но их теоретические озарения

мы теперь оцениваем как социологические. Несмотря на все различия, история жизни этих женщин показывает, что история социологии не является линейным процессом; она имеет множество источников и представляет большее тематическое и географическое разнообразие, что, как правило, игнорируется в стандартных учебниках.

Процессы институционализации и маскулинизации социологии шли рука об руку. Академические и политические дискуссии, которые обеспечили Карлу Марксу, Эмилю Дюркгейму и Макс Веберу статус классиков, стерли присутствие женщин в конструировании социальных наук и привели к умалчанию неевропейских истоков социологии. В результате множество гендеризованных сфер исследования были маргинализованы, что ограничило наше социологическое воображение. Дороти Смит отметила, что мир повседневности – это проблематика, открытая для социологического исследования. И потому, такие пренебрегаемые темы, как семья, брак, сексуальность и воспроизводство являются не просто аспектами частной сферы, но и материей значимой для социолога.

> Ключевые социологические темы, развиваемые женщинами

Поскольку присутствие женщин в классической социологии никогда не было систематически исследовано, картографирование их вклада в развитие науки само по себе является серьезной задачей. Незнание их работ, нехватка новых изданий и переводов, а также недостаток критических исследований по этому вопросу, подкрепляет нарратив о том, что в 19 веке не было женщин, размышляющих об общественном устройстве. Такое невнимание к вкладу женщин в историю социологии и преподавание этой дисциплины сказывается на определении ключевых понятий, теорий и методов этой сферы научного знания.

Так, например, Флора Тристан, французская мыслительница перуанского происхождения, в первой половине 19 века проанализировала особенности условий семейной жизни и трудовой деятельности женщин, принадлежащих к рабочему классу. В своем исследовании английского рабочего класса, опубликованном на несколько лет раньше, чем труд Фридриха Энгельса, посвященный этому вопросу, она использовала методологию включенного наблюдения. Более того, она пришла к выводу, что отношения угнетения были не только основаны на правовых механизмах, но и были воплощены в структурах повседневности и в таких институтах, как церковь и семья.

Приведем другой пример. Пандита Рамабай написала несколько работ, посвященных сложному положению жен-

>>

щин в Индии, обусловленному пересечением религиозных, кастовых, экономических структурных условий и колониального господства. Рамабай рассуждала об интимных отношениях между кастами, о присущих им формах эндогамии и ритуализации повседневной жизни и контроле над женщинами. Она выделила механизмы, с помощью которых касты регулировали практики получения приданого, отношения к вдовам и даже инфантицид девочек. Ее работа выявляет гендерные характеристики социальных групп и создания границ.

К концу 19 века Шарлотта Перкинс Гилман была хорошо известна читающей публике. Гилман была членом Американской Социологической Ассоциации; она выступала с критикой викторианского культа материнства и домашней роли женщин. В своих трудах она стремилась историзировать семью и домашний обиход, определяя социальное как плотную паутину отношений между семьей, государством, рынком, формирующую структуру взаимозависимости.

Что касается Марианны Вебер из Германии, то она написала 9 книг и десятки статей, в которых она обращалась к таким темам, как закон, материнство, автономия женщин и патриархальное господство. Марианна сравнивала правовое регулирование брака в разных обществах, следуя методологии исторической социологии. Выступая против подчинённых отношений в браке, она защищала принципы партнерских отношений и полагала, что реформа законодательства является способом гарантирования развития женской индивидуальности.

В этот же период времени южноафриканская мыслительница Олив Шрайдер участвовала в дискуссии о перспективах создания южноафриканской нации. Она подвергла критике колониальные действия Британии на территории Южной Африки и разоблачала империалистические инициативы, эксплуатирующие местное население и природные ресурсы. Шрайдер особое внимание уделяла анализу противоречий, связанных с формированием государства и его отношениями с народом, территорией, расой и гендером.

И, наконец, в начале 20 века Эрсиллия Ногейра Кобра критиковала сексуальную мораль Бразилии и механизмы контроля женского тела. Кобра исследовала как кодексы чести, например, требования добрачной девственности, связаны с отсутствием гражданских прав женщин. Таким образом она показала, как правовой режим воздействует на социальные отношения, а контроль сексуальности является базисом реализации отношений власти.

Мы считаем, что гендер является важнейшей аналитической категорией и фундаментальным фактором социальной жизни. Именно поэтому мы считаем необходимым со всей серьезностью относиться к текстам, написанным женщинами-социологами в ранний период развития дисциплины. Вопрос заключается в том, в какой степени теоретические положения, развиваемые этими женщинами, помогают исследователям по-новому осмыслить такие понятия, как порядок, действие, социальные изменения, работа, власть, солидарность и неравенства.

> Современные проблемы осмысления канона

В современной социологии нет согласия о статусе социологического канона. С одной стороны, такие авторы, как Рейвин Конелл и Патрисия Хилл Коллинз утверждают, что сама идея канона оказывается несостоятельной перед лицом растущей сложности и глобального характера социологии. С другой стороны, международное сообщество социологов продолжает опираться на классических авторов как ключевых фигур профессионализации.

Социальные процессы формирования новых и старых канонов действуют независимо от нашей воли. То, что считается «большой теорией», обычно представляет собой синтез или преодоление антиномий классической социологии. Таким образом между классической и современной теорией постоянно поддерживаются фундаментальные отношения.

Чтобы гендерный подход перестал быть некоторой особой отраслью социологии или даже самодостаточным полем, необходимо включать работы женщин в круг чтения по классической социологии и ссылаться в учебниках на их труды. В последнее время такие инициативы предпринимаются такими исследователями, как Патрисия Маду Ленгерман, Джилл Нибруге-Брэнтли, Кейт Рил, Мэри Джо Диган и Линн Макдональд. Однако нельзя ограничиваться воспроизводством европоцентристского взгляда с женским лицом. Выход за пределы канона социальной теории требует выйти за пределы Европы, как это делают Алатас и Синха.

Мы в Бразилии внесли свой вклад в обсуждение канона, опубликовав коллективную монографию *Pioneiras da Sociologia: Mulheres intelectuais nos séculos XVIII e XIX* [Пионеры социологии: женщины мыслители 18-19 века]. В настоящее время электронная книга доступна только на португальском языке. Это беспрецедентная в стране инициатива посвящена жизни шестнадцати женщин с разным национальным и социальным бэкграундом; она имеет дидактическую направленность.

Осмысление вклада женщин из различных регионов в социальную теорию – каноническую или нет – является историческим и социологическим вызовом. Сравнительный подход создает возможности для релятивизации и критики андроцентрических универсалистских теорий Глобального Севера, освещая уникальные социально-исторические конфигурации и предлагая ключи для анализа глобальных макросоциологических процессов, характерных для современного мира. Задачей новых поколений исследователей является переосмысление социологического канона и расширение его границ. ■

Мы выражаем благодарность Фонду Fundação de Amparo à Pesquisa do Estado do Rio de Janeiro (FAPERJ) за поддержку нашего исследования и высоко ценим его приверженность целям развития научного знания и академических достижений в Бразилии

Адреса для связи:
<lunaribeirocampos@gmail.com>
<veronicatoste@gmail.com> / Twitter: [@vetoste](https://twitter.com/vetoste)

> Открытый доступ, журналы-хищники или подписные периодические издания

Суджата Патель, профессор в отставке, Университет Хиндергада, Индия и приглашенный профессор фонда Керстен Хессельгрэн, Университет Умеа, Швеция

Рис.: Станислав Кондратьев, Pexels.

Недавно коллега из одного из европейских университетов обратилась ко мне с просьбой написать статью для специального выпуска англоязычного электронного журнала открытого доступа, посвященного социальной теории, который она редактирует. Я не слышала ничего об этом журнале, но сразу же дала свое согласие, поскольку решила, что, если статья будет опубликована, (после слепого рецензирования) ее будут читать во всем мире. Режим открытого доступа поможет преодолеть узкие места циркуляции печатной продукции, которые мешают в настоящее время потокам профессионального знания, в которых господствуют подписные журналы и платный доступ к опубликованным статьям. Мы все знаем, что подписки на журналы и оплата скачиваемых статей не поддерживаются финансово большинством правительств, университетов, исследовательских институтов и исследовательских грантов. Соответственно, доступ к профессиональным печатным изданиям ограничивается, создаются разделения в потоках информации и циркуляции знания между национальными и глобальными научными сообществами. Однако выясняя как функционирует журнал, я обнаружила, как именно академическое сообщество понимает открытый доступ. Большинство коллег считает, что журналы с открытым доступом, в основном, являются хищниками публикационного поля, а по-настоящему профессиональными являются журналы, основанные на подписке. Я была озадачена: почему мои коллеги именно так оценивают открытый доступ, который делает возможным свободное и

бесплатное циркулирование научного знания и способствует междисциплинарному академическому диалогу и общению?

> Оптимистическое начало

Движение за открытый доступ (ОД) возникло в 1990е годы, когда интернет стал доступным средством коммуникации и постепенно переопределил издательский процесс, который до того времени был основан на печатных изданиях. Вскоре это движение стало заметным, и в 2001 году Будапештская Инициатива Открытого Доступа (БИОД) дала определение: ОД – это «бесплатная возможность любого пользователя читать, копировать, распространять, распечатывать, заниматься поиском или создавать ссылки для получения полных текстов рецензируемых исследований в общественном интернете, передавать их в виде компьютеризированных данных или использовать их в любых других законных целях, а также индексировать их без каких-либо финансовых, правовых или технических барьеров кроме тех, которые связаны с функционированием самого интернета». БИОД также отмечает, что интеллектуальные права на статьи сохраняются за авторами. Это определение соответствует лицензиям Creative Commons.

Ожидалось, что, поскольку пропускная способность сети постоянно возрастает, постатейные расходы на публикации будут сокращаться, т.к. из бюджетов изымаются затраты на печать и распространение. Эти тенденции, как

>>

ожидалось, приведут к тому, что большинство журналов получат статус ОД.

> Обвинения в хищничестве

Однако таких массовых изменений не замечается. Последние оценки (2013 года) показывают, что только 25% статей опубликованы в журналах ОД. Почему это движение не стало привлекательным для всех ученых? Частично это объясняется тем, что большинство журналов ОД взимают плату за обработку и публикацию статей и таким образом становятся журналами-хищниками: «если заплатишь, то опубликуют все, что угодно». Широко распространено мнение, что журналы ОД не являются профессионально компетентными, их редакционные советы являются фиктивными и рецензирование часто не соответствует академическим критериям.

Библиотекарь Джеффри Билл первым называл эти журналы хищническими: с начала 2010х годов он активно агитирует против ОД. Он вывесил в интернете [список журналов-хищников](#) и заявил: «Издатели-хищники используют золотую (оплаченную авторами) модель открытого доступа и стремятся нажиться на ней как можно больше, часто игнорируя процедуры слепого коллегиального рецензирования».

Билл утверждает, что новая литература – не единственный участник кампании против ОД. Крупные издательские торговые ассоциации и их лоббисты также продвигают мысль о том, что ОД представляет угрозу системе коллегиального рецензирования (peer-review system). Их основной аргумент заключается в том, что основными проводниками хороших практик являются журналы, основанные на подписке. Именно они следуют практикам слепого рецензирования, которые институционализируются благодаря альянсам с профессиональными ассоциациями, научными обществами и исследовательскими институтами. Не отрицая того, что их бизнес-модели ориентированы на прибыль, такие журналы подчеркивают, что делятся своими доходами с профессиональными организациями и таким образом содействуют производству научного знания в глобальном масштабе и на достойном профессиональном уровне. (Так, например, бюджет Международной Социологической Ассоциации существенно зависит от публикационных роялти). Более того, крупные издатели утверждают, что обеспечивают защиту интеллектуальных прав авторов и исследовательских институтов.

Таким образом значительная часть научных обществ и профессиональных ассоциаций поддерживает крупных издателей. В свою очередь, эти издатели совершают агрессивную интервенцию в публичную сферу, что обеспечить защиту прав журналов от открытого доступа. Так, например, в 2012 году несколько издательств (Oxford, Cambridge, Taylor & Francis) предъявили иск в Индийский суд магазину Ксерокса при Университете в Дели за продажу фотокопий целых книг и отдельных страниц. Обе институции – и Университет, и Верховный Суд Индии – выступили с поддержкой фирмы, и иск был отклонен.

> Необходимость покончить с институционализацией бинарных разделений

В том, что журналы-хищники существуют, нет никакого сомнения. Таких журналов больше всего в Индии, Иране, США

и Японии. В этих странах при аттестации ученых регуляторы, в состав которых входят университеты, не учитывают статьи, опубликованные в этих журналах. Но зададимся вопросом: все ли журналы ОД являются хищническими по своей природе? [Последние исследования](#) списка Билла показывают, что основные пороки, которые он приписывает журналам ОД, воспроизводятся и в журналах, основанных на подписке. Кроме того, не только журналы ОД взимают плату за публикацию статей. Указатель журналов открытого доступа (УЖОД) свидетельствует, что из более 18000 доступных в интернете сегодня журналов ОД 13000 не взимают плату за публикации онлайн. Это исследование показывает, что необходимо отказаться от дихотомического противопоставления журналов ОД и подписных периодических изданий. Гораздо важнее сформулировать более рефлексивные вопросы о том, как организованы практики рецензирования, как сделать их прозрачными и качественными в обоих типах журналов. Кроме того, необходимо выяснить, насколько эти практики соответствуют тем, которые используются в различных регионах мира.

Хотя эта тема нуждается в более глубоком исследовании, я все же убеждена в том, что издательская отрасль является частью экосистемы знания, которая производит разделение между регионами и языковыми сообществами в отношении производства и циркуляции знания. Издательская промышленность неотъемлемая часть экосистемы и способствует ее институционализации. Эта экосистема сформировалась после Второй Мировой Войны, когда на Глобальном Севере и во всем мире наблюдался экспоненциальный рост университетов и исследовательских институтов. Этот рост способствовал институционализации представлений том, что знания в области естественных, социальных и гуманитарных наук на Глобальном Севере, являются универсальными, и академические сообщества всего мира должны им подражать.

Эта экосистема приписала ответственность за производство знания университетам, институтам и лабораториям Европы и Северной Америки; затем это знание с помощью публикаций в частном секторе в журналах и книгах распространялось в мире. Вскоре эти университеты и исследовательские институты стали основными потребителями академических журналов и книг; таким образом создавалось симбиотическое отношение между ними и частными издательскими домами. Нет ничего удивительного в том, что американские и британские издатели считают свою продукцию частью международных рынков, а продукты знания, полученного в других странах, считаются лишь регионально значимыми. Недавно такая экосистема получила новый стимул, поскольку университеты выступили с требованиями проведения жестких аудитов работы преподавателей, тем самым усиливая легитимацию журналов, основанных на подписке. Движение за ОД подрывает эту экосистему, и все, кто в ней заинтересован, воспринимает его как угрозу.

Что все это означает для ученых из разных стран, которые хотят публиковаться или читать о новых исследованиях? Что это означает для публикаций всего мира, которые стремятся развивать собственный контент, новые стили письма и иные практики рецензирования? Ученые стремятся обсуждать эти вопросы в глобальном контексте, и я надеюсь, эта статья может послужить толчком к такой дискуссии. ■

Адрес для связи: <patel.sujata09@gmail.com>

> Необходимость развития здоровьесберегающего поведения: Бихар, Индия

Адитя Радж и Папия Радж, Индийский Институт Технологии в Патне, Индия

Фото: Анна Швец, Pexels.

В условиях Ковид-19 нормой стали изменения поведения по контролю распространения вируса в любом сообществе. Правительства несколько раз объявляли локдауны и призывали граждан соблюдать физическую дистанцию, изолироваться, соблюдать домашний карантин, использовать маски и перчатки в общественных местах, чаще мыть руки и проч. Несмотря на эти усилия, индийское правительство не могло контролировать ситуацию, т.к. большая часть населения не следовала инструкциям и, что более важно, не хотела проходить тестирование на вирус. Даже в тех случаях, когда тесты были положительными, люди не хотели признавать это, пока ситуация не становилась критической. Эта ситуация была особенно критичной в отсталой индийской провинции Бихар, где инфраструктура здравоохранения развита крайне слабо. Все это продемонстрировало значимость индивидуального самосохранительного по-

ведения (ИСП) членов сообщества в отношении своего здоровья.

ИСП концептуализируется как последовательность превентивных и оздоровительных действий членов сообщества, направленных либо на сохранение статуса здорового человека, либо на выздоровление. Таким образом ИСП предполагает, что люди делают «выбор в пользу здоровья» («healthy choices»). Такое поведение различается в разных географических пространствах и в разных сообществах. Чтобы улучшить условия жизни необходимо осмыслить факторы, которые мешают людям следовать практикам ИСП. Не менее важным является понимание того, как можно мотивировать людей к развитию позитивного ИСП. Несмотря на жизненную важность для общественного здоровья, исследования барьеров и фасилитаторов ИСП крайне недостаточны в Индии и, особенно, в Бихаре.

>>

> Выводы межсекторального исследования ИСП в Бихаре

Мы провели межсекторальное исследование в столице Бихара, г. Патна. В этом городе зафиксирована наибольшая смертность от ковида во всей Индии. Мы использовали методологию смешанных методов и собрали первичные данные во время пандемии, в интервале между апрелем и июлем 2023 года. Анализ данных показал, что результаты самотестирования 43% всех респондентов были положительными; 34% респондентов отметили, что один или более член их семьи был положительно тестирован на ковид; 23% отметили, что положительный тест был у них самих и членов их семьи. Результаты тестирования проявили удивительный гендерный разрыв: среди тех, чей тест был положительным, 60% мужчин и всего 31% женщин. Физиологически женщины оказались сильнее мужчин, и в одних и тех же условиях их шансы на выживание и сопротивление болезни оказались более высокими. Социальные конструкты и гендерная динамика в домохозяйствах также предполагают, что приоритетом является здоровье членов семьи мужского пола. Возможно, что женщин не тестировали на вирус даже если они имели выраженные симптомы заболевания.

Но важным оказывается не только гендерное измерение. Более уязвимыми в отношении инфекции ковида оказались респонденты в возрасте от 25 до 29 лет, которые предположительно более мобильны и подвержены внешнему воздействию. 40% из них оказались позитивно тестированными. К сожалению, несколько респондентов ответили, что ковид-19 принес в их семью одну или более смертей. В нашем исследовании большинство случаев с фатальным исходом (88%) – это люди, проживавшие в многоэтажных домах, только 12% – жильцы частных домов. Данные показывают, что 67% умерших от ковида работали в сфере услуг, 26% были самозанятыми, а остальные не указали место своей работы. Исследование показало, что все респонденты, независимо от социально-демографических характеристик, выражали нежелание тестироваться на ковид. В ответ на вопрос о том, как они узнали о том, что инфицированы ковидом, большинство из них ответило, что у них было несколько симптомов вируса и потому они решили, что больны. Когда их спросили, почему они не хотели подтвердить свои подозрения тестом, они отвечали по-разному. Среди причин указывались такие, как отсутствие соответствующей информации о возможностях тестирования (27%), недоступность консультирования у медицинского персонала (12%) и, что наиболее важно, боязнь социальной стигмы в том случае, если тест подтвердит их самодиагноз (59%).

Поскольку больничные койки и другие клинические ресурсы были явно в дефиците, люди предпочитали оставаться дома, а не искать медицинской помощи в стационарах, кроме тех случаев, когда их состояние не было критическим. Недостаток доступа к информации и ресурсам был основным препятствием в поисках помощи и барьером самосохранительного поведения в сообществе. В связи с этим, многие люди сделали выбор в

пользу домашнего лечения (около 27%); некоторые обращались к врачам за консультациями по телефону (16%); были и такие, кто приходил к врачу на амбулаторный прием (11%). При этом большинство опрошенных (46%) просто опирались на информацию, полученную от друзей, родственников и – конечно – на информацию цифровых медиа.

Позитивно тестированным рекомендовали находиться в изоляции и соблюдать карантин, однако, такое поведение не является конвенциональным в индийском социальном контексте. На самом деле инфицированные люди не хотели обнаруживать свое состояние перед членами сообщества, опасаясь стигматизации.

На основе проведенного исследования мы утверждаем, что, хотя люди проявляли неготовность следовать правилам самосохранительного поведения, чтобы справиться с ковид-19, в то же время они испытывали недостаток информации, что препятствовало практикам сохранения здоровья. Страх и невежество привели к тому, что на ранних стадиях инфекции люди не стремились обращаться за медицинской помощью. Отсюда следует, что насущной задачей сегодня является контекстуальное образование в отношении здоровья, которое может способствовать ИСП, особенно в таких отсталых регионах, каким является провинция Бихар.

> Ретроспектива

Ковид-19 все еще представляет угрозу общественному здоровью. Практики, ориентированные на борьбу с болезнью, должны устойчиво воспроизводиться в обществе и стать общепринятыми. На основании проведенного исследования, мы считаем, что необходимо осуществить социальную интервенцию с помощью контекстуально настроенного образования в отношении здоровья, что позволит улучшить ИСП. Образование в отношении здоровья должно стать интегративной частью социальной политики в сфере здравоохранения; оно сможет стать механизмом поведенческих изменений в сообществе и приведет к улучшению здоровья населения.

Последнее проведенное нами исследование показало, что после пандемии люди стали уделять гораздо больше внимания санитарным процедурам, гигиене и практикам здорового образа жизни. Образование в сфере здоровья и инвестиции в коммуникации, связанные со здоровьем, могут способствовать новому социальному осмыслению ИСП и улучшению здоровья населения. Это поможет людям решать проблемы своего здоровья и преодолевать существующие разрывы в состоянии здоровья населения. Еще раз подчеркиваем, что образование в отношении здоровья является насущной необходимостью. ■

Адреса для связи:
<aditya.raj@iitp.ac.in> / Twitter: [@dradyaraj](https://twitter.com/dradyaraj)
<praj@iitp.ac.in>

> Кризис ментального здоровья в Испании: при чем тут социология?

Сигита Доблите, Университет Овиедо, Испания

Фото: Адриан Сванкар, Unsplash.

Хотя интервенции в психическое здоровье обычно рассматриваются в контексте здравоохранения и потому обречены на то, чтобы быть частью *системы*, само душевное здоровье является частью *жизненного мира* и интегрировано в культуру, к которой принадлежит индивид, в социальные отношения и является частью личности. Социология обладает значительным потенциалом для понимания душевного здоровья и страдания. Я считаю, что необходимо обращаться к этим вопросам в социологической перспективе, поскольку мы наблюдаем расстройство культурного воспроизводства и разрушение социальной интеграции. Они проявляются в потере культурной ориентации, отчуждении и, в конечном итоге, приводят к психологическим патологиям. И хотя мои аргументы обращаются к контексту Испании, я полагаю, они найдут отклик и у читателей из других стран.

В течение последнего года душевное здоровье и психические заболевания оказались в центре публичного внимания в Испании. Политики, журналисты и активисты постоянно цитируют данные национальной и международной статистики, демонстрирующие упадок психиче-

ского здоровья в стране. Смертность от суицидов растет. Потребление фармакологических антидепрессантов утроилось в течение последних двадцати лет и является одним из самых высоких в Европе. Более того, Испания занимает первое место в мире по потреблению анксиолитиков. Исследование психического здоровья испанских сотрудников общественных служб в 2022 году контекстуализирует эти статистические данные: почти половина опрошенных полагаются на психофармакологию для снижения тревожности, вызванной работой.

Приведенные выше цифры отражают не только индивидуальные проблемы, но и социальные процессы. Тем не менее, для анализа существующих проблем медиа немедленно поворачивает свои камеры к психиатрам, а не к социологам. Несмотря на то, что психологические дисциплины совершенно незаменимы, когда речь идет о помощи конкретным людям, в тенденции они поддерживают био/медицинскую модель, которая деконтекстуализирует и индивидуализирует социальное. Комментарии практикующих специалистов часто завершаются призывами увеличить ресурсы психологической и психиатрической помощи: они утверждают, что необходимо *больше* врачей и *больше* услуг. Это, конечно, важно. И все же я считаю, что мы должны рассмотреть и другую сторону проблемы.

> Культура и чувство собственного достоинства

Культурные определенности – как публичные (воспроизводящиеся с помощью социальных отношений и институтов), так и личные (воплощенные благодаря социализации), направляют наши ожидания и действия, сохраняя *«когерентность»* знания, достаточного для повседневной практики» (Habermas 1987). Культура, подкрепляемая неолиберализмом, все больше снабжает нас такими сценариями самости, которые подчеркивают конкурентоспособность, материальный успех и потребление, характерные для конкретных жизненных стилей (Lamont 2019). Определения достойной жизни становятся все более гомогенными и основанными на производительности и потреблении нежели на других критериях социального достоинства.

Поставленные цели считаются достижимыми для всякого, кто готов тяжело трудиться и прилагать усилия в нужном направлении. Это приводит к классификации, разделяющей общество на «победителей», которые, как

>>

считается, упорно трудились для достижений целей, и «проигравших», которые, якобы, не прикладывали достаточно усилий в нужном направлении. Однако эти показатели достоинства, на самом деле, доступны далеко не всем, несмотря на усилия. В Испании, граждане, родившиеся в богатых семьях, обладают завидными привилегиями. Как бы вы ни старались, если вы рождены в бедной семье, ваши шансы на успех гораздо ниже, чем у более зажиточных граждан.

Большинство людей проектируют свое будущее на основании инкорпорированных культурных сценариев, опирающихся на идеалы материального успеха. Тем не менее многие испанцы сталкиваются с объективными ограничениями шансов, которые противоречат таким мечтам, и убеждаются в том, что есть счастливики, которые ведут более легкую жизнь, чем они. Такое расхождение между воплощенными ожиданиями и объективными шансами может привести к кризису культурной ориентации и чувствам грусти, гнева и стыда. Я полагаю, что утрата будущего (или веры в него) напрямую связаны с психологическими страданиями.

> Работа и социальные отношения

Социология обращает внимание не только на материальную депривацию, но и страдания, обусловленные позицией (*positional suffering*). Так, например, несмотря на сравнительно благоприятную социальную позицию, молодой ученый, не имеющий надежной достойной работы, но которому «обещали» признание и достойную занятость как вознаграждение за годы учебы и приложенные усилия, может испытывать экзистенциальный гнев. Исследования, проведенные в Испании, демонстрируют связь между психическим состоянием и такими характеристиками работы, как осмысленность или ее отсутствие, а также с показателями достойной оплаты.

Институциональные отношения, которые усиливают самостоятельность, достоинство и признание на рабочем месте, улучшают самочувствие сотрудника, усиливая солидарность между членами организации и за ее пределами, поощряя усилия и, таким образом, помогая привести в соответствие объективные шансы и субъективные ожидания. Осмысленная работа способствует социальной интеграции жизненного мира. Однако в Испании существует заметное разрушение таких характеристик работы: в ней не хватает самостоятельности, достоинства, вознаграждения, и работники переживают психологические проблемы (*mental distress*).

Проблемы в отношениях на работе могут, однако, смягчаться солидарностью неформальных социальных сетей, что особенно характерно для южно-европейских обществ с сильной семейной культурой и более слабыми внесемейными связями. Однако в Испании все социальные отношения – как семейные, так и несемейные – переживают упадок и снижение функциональности (Ayala Cañón et al. 2022). Этот процесс начался задолго до ковида, но пандемия его ускорила. Люди реже встречаются с друзьями и родственниками, в меньшей степени рассчитывают на их социальную и эмоциональную поддержку; в целом, чувствуют себя более одинокими.

Таким образом результатами сбоев в сфере культуры являются утрата культурной ориентации и разрушение социальных отношений на рабочем месте или в неформальных связях, что ведет к росту отчуждения между индивидами. Это, в свою очередь, порождает несоответствие между ожиданиями, которые формируются в ходе социализации, и образом жизни, при котором некоторые живут более полной жизнью, чем другие, что может впоследствии проявиться в психопатологиях.

> Система

Хотя в этой статье я фокусирую внимание на жизненном мире, я полагаю, что социология должна соединить два уровня общества, в котором система и ее экономические и бюрократическая сферы «должны создавать условия поддержания социально-культурных жизненных миров» (Habermas 1987). Это касается, в том числе, и состояния службы психического здоровья, которая, на самом деле, может облегчить человеческие страдания. И все же в настоящее время индивиды возвращаются в отчужденный и лишенный смысла жизненный мир.

Этот паттерн будет продолжать существовать до тех пор, пока система оценки достоинства не будет расширена так, чтобы большее число людей почувствовало себя значимыми, пока не будут улучшены отношения труда и вознаграждение за работу не будет поощрять вложенные усилия. Отметим, что социальная политика (жилищная и семейная) в целом содействует расширению критериев достоинства, но она является в Испании традиционно слабой. Другими словами, мы видим воспроизводящийся порочный круг, связывающий отчужденный и лишенный смысла жизненный мир с растущей симптоматикой душевных заболеваний.

Будучи социологами, мы можем фокусировать наше внимание на этих процессах и их объяснениях. Однако, даже имея дело с душевным здоровьем и психическими заболеваниями, социологические исследования часто остаются в рамках медицинской социологии. Расширение границ в сторону культурной или экономической социологии могут, на наш взгляд, принести большую пользу знанию и практике. Я призываю интенсифицировать диалог между различными субдисциплинами социологического знания. ■

Литература:

- Ayala Cañón, L., Laparra Navarro, M. and Rodríguez Cabrero, G. (eds.) (2022) *Evolución de la cohesión social y consecuencias de la COVID-19 en España*. [Эволюция социальной сплоченности и последствия COVID-19 в Испании] Madrid: Fundación FOESSA.
- Habermas, J. (1987) *The Theory of Communicative Action. Lifeworld and System: A critique of Functionalist Reason*. Vol. 2. [Теория коммуникативного действия. Жизненный мир и система.; критика функционалистского разума. Т.2] Cambridge: Polity Press.
- Lamont, M. (2019) "From 'having' to 'being': self-worth and the current crisis of American society." [От «обладания» к «бытию»: чувство собственного достоинства и современный кризис американского общества] *The British Journal of Sociology* 70(3): 660–707.

Адрес для связи: <dobytesigita@uniovi.es>

> Включение подсознательного насилия в правозащитный дискурс

Приядаршини Бхаттачариа, административный офис правительства Индии, Индия

Фото: Иллюстрация «мы хотим быть живыми» бразильского художника и политического ученого Рибса (twitter.com/o_ribs и instagram.com/o_ribs) для Обсерватории общественных движений Центра социальной теории и латиноамериканских исследований (NETSAL-IESP/UERJ). Рибс, 2021.

Парадигма прав человека представляет собой глубоко эмпатичный способ отношения к миру. Она основана на фундаментальном постулате, согласно которому человеческая жизнь является благом и ей присуще в принципе достоинство и осмысленность. Эта парадигма структурно изменялась, опираясь на знания о тех жестокостях и страданиях, которые терпели люди в ходе человеческой истории. Однако, как каждая парадигма, она возникла в определенном историческом контексте. Это контекст господства интеллектуальных течений правового позитивизма и индивидуализма, которые продвигали объективный эмпиризм. Объектом исследования считался бестелесный индивид. Пришло время обогатить и расширить влияние па-

>>

радигмы прав человека на основе признания ценности интерсекциональности и ситуационного знания в осмыслении палимпсестной природы гендерно обусловленного насилия (ГОН). Всякое указание на возможное окостенение парадигмы должно подталкивать нас к разработке более нюансированного и контекстуально-международного законодательства о правах человека, которое делает предметом рассмотрения скрытое культурное насилие и укорененные установки, которые способствуют умалчанию и ограничивают возможности репрезентации для жертв такого насилия.

> **Неспособность дискурса о правах человека охватить комплексный характер гендерно обусловленного насилия**

В этой статье подчеркивается неадекватность существующего дискурса прав человека и его социально-правовых инструментов для предотвращения ГОН, особенно когда оно является подсознательным и «в мирные времена». Во-вторых, я утверждаю, что необходимо расширить дискурс прав человека, распространив его на формы насилия, которые часто лежат за пределами количественных измерений опыта, но, тем не менее, остаются коварными и укорененными и требуют других инструментов измерения. В-третьих, я призываю правозащитников и экспертов в области права проявлять большее внимание к повседневным бессознательным формам ГОН, развивая компетенции и подотчетность, которые способствуют облегчению ситуации.

ГОН необходимо рассматривать как спектр или континуум проявлений от наиболее выраженных к повседневным, от экзотических к банальным. Брутальные акты ГОН упоминаются в рамочных документах по правам человека, поскольку они наблюдаются в конфликтных зонах и включают непреднамеренные убийства, использование сексуального насилия как военной тактики, торговлю людьми и другие акты жестокости и справедливо вызывают международное публичное возмущение. Однако понятия символического (Bourdieu, 1970) и подсознательного (subliminal) насилия являются эвристическими инструментами, которые позволяют привлечь внимание не только к наиболее жестоким и явным проявлениям насилия, но и к насильственным действиям меньшей интенсивности и изощренным формам, которые часто используются в «мирное время», но достигают пика во время конфликтов и кризисных событий. [Шепер-Хьюз и Буржуа \(Scheper-Hughes and Bourgois\)](#) используют термин «повседневное насилие», чтобы подчеркнуть социальное безразличие в отношении наиболее тревожных форм страдания, переживаемого теми, кто пережил ГОН, вызванное институциональными процессами и дискурсами.

Современная ситуация, характеризующаяся пористыми границами между частным и политическим, сделала нас уязвимыми в отношении сложного характера насилия, особенно, в отношении палимпсестного уровня ГОН. В отличие от явного насилия латентное гендерное насилие проявляет себя «в мирные времена» и часто ускользает от внимания социальной политики и правового ре-

гулирования. Это вызвано, в том числе, и проблемами измерения. То, что не подсчитано и не измерено, часто замалчивается, забывается и ускользает от обсуждения и дебатов. [Гаятри Спивак](#) отмечает, что измерение делает феномены обозримыми и уничтожает то, что «не идентифицировано».

> **Феминистские эпистемологии и контексты обнаружения скрытого повседневного насилия**

Позитивизм с его требованиями научности всегда стремился разработать исчисляемые индикаторы. Дискурс прав человека обычно указывает на явные телесные повреждения и грубые формы насилия в конфликтных зонах, которые являются проявлениями деструктивного девиантного и аномального поведения, поскольку эти проявления могут быть выделены и измерены по числу и типу. Исторически сложившийся союз позитивистской методологии и неолиберальной квантификации неизбежно приводит к тому, что парадигма прав человека оставляет без внимания насыщенные деталями нарративы. Примеры «[плотного описания](#)» или «альтернативные отчеты» находят воплощение в повседневном жизненном опыте и требуют онтологического разрыва с позицией узкого эмпиризма и сдвига в сторону интерпретативистской феминистской позиции, которая считает субъективный опыт жертв насилия достоверным и позволяет им вербализовать, облекать в категории и таким образом измерять свой опыт. [Сесилия Менхивар \(Cecilia Menjivar\)](#) в своем этнографическом исследовании насилия в Восточной Гватемале, приводит свидетельства телесного опыта замаскированного насилия, сопряженного с повседневными контекстами унижения, презрения, обесценивания, приводящими к проявлениям фемцида, которые переживают женщины народности *ладино*. Записывая то, как сами женщины рассказывают о неизбывном («*aguantar*») опыте рутинизации боли, Менхивар извлекает из повседневной нормальности насилие, которое считается «общим местом».

Признавая значимость социального и исторического контекста конкретных носителей знания, феминистская позиционная эпистемология создает пространство для «отсутствующих субъектов» и выявляет их «[отсутствующий опыт](#)». Такая методология проявляет позицию стейкхолдеров, которые перестают быть исключенными из систем объяснения, и гарантирует им эпистемологическую власть. Возьмем, к примеру, контекст формальных судебных разбирательств и слушаний, во время которых представители закона сухо и сдержанно просят субъекта, пережившего насилие, дать отчет о «доказательствах» совершения актов насилия, упирая на то, что поведение жертвы демонстрирует «согласие» на совершаемые действия и поддерживает сложившиеся практики. Позиция защиты прав человека в таком случае стремится исследовать контекстуально специфическую сферу женского опыта «сокрытого убеждения», ярчайшим примером которого является представление о «[порядке вещей](#)».

Представители закона и системы правосудия, обла- дают «[символической властью](#)», которая формирует

>>

предвзятое отношение; выносимые ими «приговоры» опираются на не отрефлексированные пресуппозиции. В результате несправедливость остается неопознанной, не получает выражения и не институционализируется. Справедливость оказывается похороненной благодаря формализму, давлению государства и социальной системы в целом.

> Новые инструменты для исследования сдвига социальной реальности

Необходимые концептуальные перестройки – включение в анализ не воспринимаемого опыта – несомненно влекут за собой практические и правовые сложности, а также этические дилеммы. Это усугубляется тем, что феминистские исследования часто соглашались на то, чтобы символическое насилие оставалось слепой зоной, являясь слишком размытой категорией. Кодификация прав человека, однако, ни в коем случае не является завершенным определенным раз и навсегда процессом; она должна быть постоянно информирована изменением социальных сил и эмпирическими открытиями, которые делают необходимым использование различных инструментов измерения.

Основополагающими событиями в направлении кодификации и разработки наказаний за повседневное символическое насилие стала Конвенция [Belém do Pará Convention](#) и разработка модельного закона MESECVI. Шестая статья Конвенции признает «права женщин на свободу от дискриминации, культурных стереотипов и практик, которые делают их подчиненными, отводят им более низкое положение на социальной лестнице или приписывают фиксированные модели поведения».

Примером таких стереотипов и действий в Южной Азии являются «преступления чести», напрямую обусловленные патриархальным пониманием «достоинства» и «позора», которые контролируют, регулируют и направляют женскую сексуальность. Тем не менее, молчаливые формы насилия низкой интенсивности, которые приводят к социальному ostracismu в отношении женщины и ее семьи, результатом которых является фактически ее «социальная смерть», редко упоминаются или подвергаются однозначному осуждению со стороны государства. На самом деле такие акты насилия считаются легитимными, а представители закона делают их невидимыми.

> Глубинная приверженность правам человека

Скрытые формы насилия эффективно интернализируются и поддерживаются существующими идеологическими нарративами, обычаями и институциональными дискурсами. Дискурс прав человека должен обратить внимание

на формы насилия, которые проявляют себя не в очевидных беззащитных действиях, а в повседневном комплаенсе, в результате глубинных исторически сложившихся культурных идеологий и [«СХЕМ»](#).

Эти сублиминальные формы насилия, лежащие в основании, по видимости, «нормальных» социальных практик, должны быть вытеснены из нормативных социальных пространств, практик, институциональных процессов и взаимодействий. Мы полагаем что глубинная приверженность правам человека должна найти выражение в языке, чувствительном к укорененной субординации и господству, которые женщины испытывают в асимметричных гендерных отношениях, характерных для конкретного культурного контекста. Существуют культурные локации, которые легитимируют воспроизводство и увековечивание сублиминального насилия и, тем самым, нормализуют повседневные практики. «Мягкие» проявления не артикулируемой несправедливости требуют применения иных инструментов измерения.

Дискурс прав человека должен быть переопределен в рамках критического анализа культуры. Оптика рефлексивности поможет признать, что повседневность содержит зерна гендерного насилия. [«Банальность зла»](#), о которой писала Ханна Арендт, напоминает нам, что [«самые несправедливые действия»](#) выполняются не экстремистами и психопатами, а обычными людьми, – потенциально такими, как мы с вами – если мы принимаем основания существующего порядка». Молчание и принятие, в самом деле, являются эффективными механизмами воспроизводства неравных отношений власти.

Неразвитый дискурс прав человека возможно отражает не только безразличие государства, но также [невозмутимость коллективного сознания по этому вопросу](#). Феминистская эпистемология и инструменты исследования «повседневного насилия» предлагают парадигме прав человека другую оптику, более чувствительную в отношении практик «плотного» молчания и едва слышных, но все же различных голосов наших «эпистемических героев», которые должны преодолеть эпистемическое господство узкого эмпиризма. Переориентация прав человека на политику признания предполагает выявление повседневных практик скрытой несправедливости и выслушивание тех, кто рассказывает о них. Такое реформатирование станет проектом, способствующим коллективному исцелению тех, кто рассказывает о своих невидимых и неизлечимых ранах. ■

Адрес для связи: <priyadarshini.bhattacharya@gmail.com>
Twitter: [@BhattacharyaIAS](#)

> Российское вторжение в Украину с точки зрения Ибн Халдуна

Ахмед М. Абозайд, Университет Саутхэмптона, ВБ

Рис.: фотомонтаж Витории Гонсалес, 2023.

Труды мусульманского мыслителя и политического деятеля Ибн Халдуна (1332-1406) известны во всем мире, а его междисциплинарный подход стал значимым для исследований в области экономики, финансов, урбанистики, политической теории, изучения конфликтов, философии международных отношений и др. областей знания. Впервые его трактаты *al-Muqaddimah/Пролегомены* и *Kitbal-'Ibar/История Ибн Халдуна* появились на Западе во французском переводе в 1697 году в *Bibliothèque orientale* под ред. Бартемида Эрбело (Barthélemyd Herbelot). В настоящее время работы Ибн Халдуна переведены почти на все живые языки; некоторые мыслители считают его одним из основателей социологии.

В феврале 2022 года я завершал написание своей PhD диссертации, посвященной Ибн Халдуну и государственному насилию. Когда началась война России против Украины, я был поражен этим событием как политический ученый и как человек, чей партнер был украинцем и имел родственников в Киеве. Как многие другие, я стремился осмыслить новую враждебную реальность и был не удовлетворён упрощенным и ограниченным объяснением войны, которое часто слышал от экспертов по «вестплейнингу». Именно тексты Ибн Халдуна внезапно помогли мне понять динамику агрессии и подавляющее насилие российского режима в отношении Украины. Мне хочется поделиться этими мыслями, чтобы еще раз подчеркнуть релевантность идей Ибн

Халдуна для анализа современных глобальных социально-политических дилемм.

> Теоретический подход Ибн Халдуна

В целом многие глобальные политические конфликты возникли благодаря ключевым процессам, характерным для современных национальных государств и государственных систем, запущенным еще в 17 веке и действующим до сих пор. Проблемы, возникшие во время формирования национальных государств, не получили разрешения. С точки зрения Ибн Халдуна, конститутивные социально-политические и социально-экономические конфигурации отражают природу *'asabiyya* (т.е. правящих элит) и способы формирования структуры власти в современных обществах. Особенно значимы механизмы насилия и угнетения, способствующие реконсолидации структур власти и обеспечивающие контроль элит над средствами производства и сохранение монополии на насилие. Эти понятия, разработанные Халдуном, помогают осмыслить мотивы и цели, которыми руководствуются государства при экспорте избыточного насилия во вне и внутри общества, с помощью которого правящие элиты захватывают или поддерживают политическую власть. Обращение к работам Халдуна, расширяет наше понимание кризиса правления и легитимности в современной глобальной политике и перехода от либеральной демократии к военной тирании, авторитарному и монархическому режимам, а также осмыслению со-

>>

перничества между державами в 21 веке. Изучение теории формирования структур власти, которую развивал Халдун, позволило мне увидеть присутствие прошлого в настоящем и осмыслить гибридный характер политической и правовой (современной и досоветской) международной системы 21 века.

Теория Халдуна позволяет осмыслить циклы правления династических групп, природу патриотизма и суть олигархического правления. Он также придает большое значение международной борьбе за власть, которую ведут сплоченные социальные группы, стремясь сохранить власть господствующим элитам и контроль над средствами производства, а, самое главное, чтобы избавиться от оппонентов и врагов (внешних и внутренних). Эта динамика приводит к формированию отношения к другим странам, основанному на принципе «мы versus они», к отношению к ним как к недругам или врагам, основанном на принципе нулевой суммы. Так, например, в случае Украины Путин стремится создать на постсоветском пространстве новый трансрегиональный режим, т.е. новую *'asabiyya*, построенную на идентичности, позволяющую управлять внешними конкурентами, представленными схемами расширения ЕС и НАТО на фоне того, что он считает сферой могущества своей *'asabiyya*.

> 'Asabiyya Путина

Будучи главой российской правящей *'asabiyya* (элиты), Путин осуществляет господство с помощью насилия и принуждения: для уничтожения и ослабления оппонентов/соперников, которые проблематизируют легитимность и могущество его власти, используется *ghalbah* и *qahr*, т.е. такие жестокие средства, как убийства и пытки. Иными словами, Путин экспортирует излишек насилия (материального и символического), который образовался в ходе подъема нынешней правящей элиты (*asabiyya*). В сфере внутренней политики в целях укрепления безопасности режима разворачиваются репрессии в отношении оппозиционных групп; во внешней политике – ведется экспансионистская наступательная война. Халдун отмечает, что после прихода к власти *'asabiyya* стремится к полному господству и уничтожает сопротивление подчиненных групп, консолидируя таким образом свое могущество и разрушая чувство групповой принадлежности, которое объединяло другие элитные группы, которые могли бы представлять угрозу ее господству.

Теория Халдуна дает возможность осмыслить судьбу путинского режима, столкнувшегося с невозможностью одержать решительную победу в войне или разрушить дух сопротивления Украины. Ибн Халдун утверждает, что главным врагом режима является дезинтеграция его правящей элиты (*'asabiyya*), которая его конституирует, сохраняет и защищает. Эта дезинтеграция происходит в основном с помощью уменьшения влияния *'asabiyya* (напр., при невозможности обеспечить полное подчинение). Такая трансформация (сопровождаемая уменьшением финансового могущества) индуцирует разруше-

ние режима. Более того, как утверждает Яссин ал-Хадж Салех, поражение Путина может привести к концу его политической жизни, а также к кризису диктаторских режимов Беларуси и Центральной Азии, чья стабильность и выживаемость зависят от трансрегиональной поддержки и патронажа Путина. Поражение в Украине также ослабит варварский вероломный режим Асада в Сирии.

> Улучшение реалистической и либеральной интерпретаций

Подведем итоги. Было бы неверным искать причины конфликтов и кризисов международной системы исключительно в злодеяниях нескольких тиранов и оставлять без внимания экономические, политические и стратегические международные и региональные факторы. Ибн Халдун предлагает иной путь. Чтобы концептуализировать полномасштабное нападение России на Украину (и ситуации в Сирии, Китае, США, Израиле и пр.), необходимо исследовать роль и функцию господствующих элит (напр., исторически сложившихся блоков и социальных сил) наряду с другими системными характеристиками и выявить их решающее значение для становления и сохранения авторитарных режимов насилия. Легитимность этих режимов конституируется с помощью государственного экспорта излишка насилия, направленного против граждан (с помощью репрессий) и против других стран.

К сожалению, такие новаторские идеи не находят серьезной поддержки у научного сообщества, которое стремится осмыслить сценарии воспроизводства порочного круга насилия в современной международной политике. Однако в последнее время все большее признание получает критика теории международных отношений и анализ глобальных процессов с позиций Ибн Халдуна. Его логика помогает преодолевать недостатки реалистической и либеральной интерпретаций последнего эпизода российской агрессии, начавшегося после того, как Путин захватил абсолютную власть в 2008 году. Теория Ибн Халдуна преодолевает исключительный фокус реализма на мирном процессе и избегании войны на основе баланса власти, безопасности, геополитических подсчетов и их возможных последствий для международной системы, в которой доминируют национальные государства. Идеи Халдуна открывают черный ящик динамики построения власти и влияния социально сплоченных элитных групп (*'asabiyya*). Аналогичным образом, теория Ибн Халдуна проблематизирует неолиберальный акцент на роли международного права, институциональных укладов и обеспокоенности сообщества безопасностью, что содействует принятию решений на основе значимой информации о сотрудничестве. Господство логики *'asabiyya*, ориентированной на относительную прибыль, подрывает приоритеты абсолютной прибыли, которая с помощью институтов стремится увеличить степень безопасности государств. ■

Адрес для связи: <a.ahmed@soton.ac.uk>
Twitter: @AbozaidahmedM

